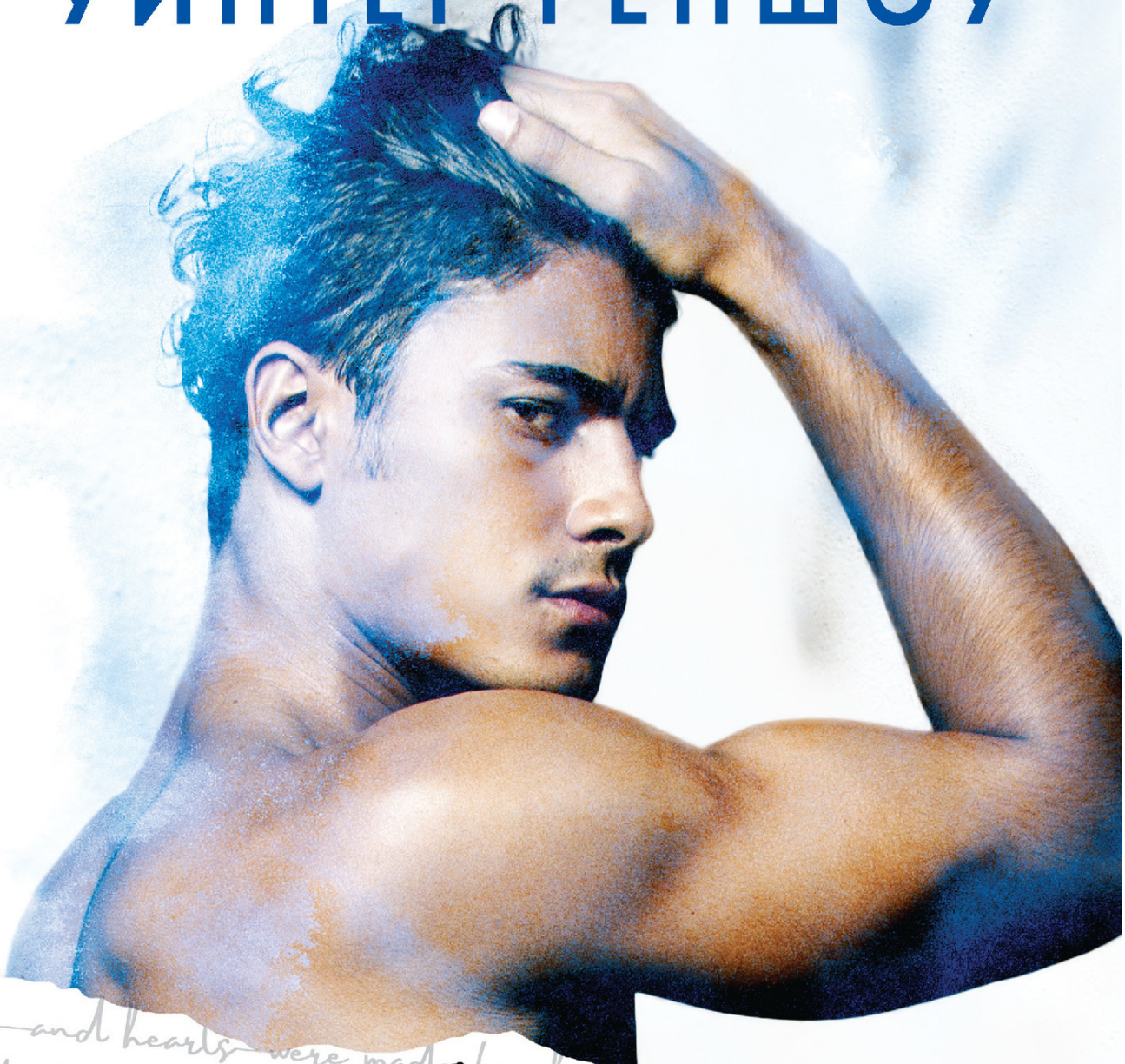

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ «WALL STREET JOURNAL» И AMAZON.COM

УИНТЕР РЕНШОУ

Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking.

P.S. I Hate you

18+

**НАРУШАЯ
ПРАВИЛА,
РАЗБИВАЮ
СЕРДЦА.**

Freedom. Чувственная проза Уинтер Реншоу

Уинтер Реншоу

P.S. I Hate You

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Реншоу У.

P.S. I Hate You / У. Реншоу — «Эксмо», 2018 — (Freedom.
Чувственная проза Уинтер Реншоу)

ISBN 978-5-04-110071-1

От автора бестселлеров «Wall Street Journal» и Amazon.com. Дорогой Исайя! Восемь месяцев назад ты был всего лишь солдатом, которого вот-вот должны были отправить в зону боевых действий. А я была всего лишь официанткой, которая тайком принесла тебе бесплатный блинчик и надеялась, что ты не заметишь мой взгляд, слишком долго задержавшийся на тебе. Но ты заметил. Прежде чем ты уехал, мы провели вместе неделю, изменившую все. А на восьмой день, буквально в последнюю минуту, попрощались и обменялись адресами. Я сохранила каждое письмо, которое ты прислал мне. Но несколько месяцев назад ты перестал отвечать, а вчера тебе хватило наглости прийти в наше кафе и вести себя так, словно ты никогда в жизни меня не видел. Подумать только... я почти полюбила тебя и твою прекрасную сложную душу. Почти. В чем бы ни заключалась причина твоего поведения, я надеюсь, она достаточно весомая. Марица-официантка P.S. Я тебя ненавижу, и на этот раз... я серьезно.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110071-1

© Реншоу У., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Марица	7
Глава 2. Исая	14
Глава 3. Марица	26
Глава 4. Исая	32
Глава 5. Марица	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Уинтер Реншоу P.S. I Hate You

Winter Renshaw
P.S. I Hate You

© Winter Renshaw, 2018

© Авдони́на М. В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Раздумья о том, что могло бы быть, так же болезненны, как
разбитое сердце.
Бриджет Деву*

Для Сэнди Ланг

Пролог

Дорогой Исайя.

Восемь месяцев назад ты был всего лишь солдатом, которого вот-вот должны были отправить в зону боевых действий. А я была всего лишь официанткой, которая тайком принесла тебе бесплатный блинчик и надеялась, что ты не заметишь мой взгляд, слишком долго задержавшийся на тебе.

Но ты заметил.

Прежде чем ты уехал, мы провели вместе неделю, изменившую все. А на восьмой день, буквально в последнюю минуту, попрощались и обменялись адресами.

Я сохранила каждое письмо, которое ты прислал мне, твои слова быстро стали для меня священными.

Но несколько месяцев назад ты перестал отвечать, а вчера тебе хватило наглости прийти в наше кафе и вести себя так, словно ты никогда в жизни меня не видел.

Подумать только... я почти полюбила тебя и твою прекрасную сложную душу.

Почти.

В чем бы ни заключалась причина твоего поведения, я надеюсь, она достаточно весомая.

Марица-официантка

P.S. Я тебя ненавижу, и на этот раз... я серьезно.

Глава 1. Марица

– Добро пожаловать в «Брентвудский блинчик и кофе». Я – Марица, ваша официантка, – приветствую я своего миллионного утреннего посетителя одной и той же заученной речью. Этот черноволосый красавчик с медовыми глазами ждал столика у окна дольше семидесяти минут, хотя, полагаю, по меркам Лос-Анджелеса, это все равно что один миг.

Он не утруждается даже взглянуть на меня.

– Вы сегодня один? – спрашиваю я, бросая взгляд на пустой стул напротив него. Утренний наплыв посетителей уже идет на спад, и, к счастью для красавчика, сейчас у меня на обслуживании еще только один столик помимо того, за которым он сидит.

Он ничего не отвечает, но, быть может, он меня просто не услышал?

– Кофе? – задаю я следующий очевидный вопрос. Я имею в виду, если кафе называется «Брентвудский блинчик и кофе», это название говорит само за себя. Все приходят сюда за кофе и блинчиками размером с тарелку, и считается тягчайшим преступлением заказать что-либо другое.

Перевернув свою кружку, до этого стоявшую на блюде кверху дном, он придвигает ее ко мне, и я начинаю наливать кофе. Когда кружка наполняется на три четверти, он машет рукой, останавливая меня. Секунду спустя он добавляет две порции сливок и половину пакетика сахара. Движения у него размеренные, скупые. Целеустремленные.

– Мэм, в этом действительно нет ничего интересного, – произносит он тихонько, размешивая сахар и позвякивая ложкой о фарфоровые бока чашки.

– Прошу прощения?

– Вы стоите здесь и смотрите, – поясняет он. Еще два раза звякает ложкой об ободок и кладет ее на блюде, потом устремляет в мою сторону напряженный взгляд янтарных глаз. – Разве другой столик не требует вашего внимания?

Цвет глаз у него теплый, как мед, но их взгляд – пронзительный и холодный. Безжалостный.

– Вы правы. Требуется. – Я откашливаюсь, переключаясь на обычный рабочий лад. Если я и задержалась у этого столика, то ненамеренно, и этому наглецу («я такой сексуальный и знаю это») не следовало указывать мне на это. Осуждать меня за легкую рассеянность. – Я подойду за вашим заказом через минуту, хорошо?

С этими словами я оставляю его наедине с его меню, его кофе, его дурным настроением и его задумчивым взглядом... и широкими плечами... и полными губами... и возвращаюсь к работе, остановившись у столика номер четыре, чтобы узнать, не нужно ли налить мистеру и миссис Карнавалес еще бескофеинового кофе по-домашнему.

Закончив с ними, я делаю вдох, чтобы успокоиться, и направляюсь обратно к при-дурку-брюнету, заставляя себя улыбнуться.

– Готовы сделать заказ? – спрашиваю я, доставая из-за уха ручку, а из кармана ярко-зеленого фартука – блокнот.

Он складывает меню и протягивает мне, несмотря на то, что руки у меня заняты, но я ухитряюсь сунуть меню под мышку, ничего не уронив.

– Два блинчика, – говорит он. – Омлет. Пшеничный тост. Сливочное масло. Не маргарин.

– Мне очень жаль. – Я указываю на табличку над кассой, которая крупными буквами гласит: «ОДИН БЛИНЧИК НА ПОСЕТИТЕЛЯ – НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ».

Он прищуривается, читая это, и лицо у него становится каменным.

– Итак, один блинчик, омлет и пшеничный тост со сливочным маслом, – повторяю я его заказ.

– Что за дурацкое правило? – Он смотрит на часы, как будто куда-то может опоздать.

Или как будто у него нет времени на правило, которое, как я согласна, совершенно дурацкое.

– Эти блинчики – огромные. Обещаю, одного вам будет более чем достаточно. – Я пытаюсь разрядить ситуацию, прежде чем она выйдет из-под контроля, потому что, когда приходится привлекать к делу начальство, получается всегда нехорошо. Владельцы кафе относятся к своим правилам очень строго, а менеджер дневной смены – еще строже. Она с радостью уведомит любого недовольного покупателя, что в названии «Брентвудский блинчик и кофе» слово «блинчик» недаром стоит в единственном числе, а не во множественном.

Я часто видела, как из-за этой дурацкой политики посетители уходят отсюда и больше не возвращаются и оставляют о нас плохие отзывы везде, где только можно, но почему-то это, похоже, не оказывает плохого влияния на наш бизнес. Каждое утро по выходным очередь тех, кто жаждет поесть у нас, неизменно тянется от дверей на полквартиры – а иногда такое случается и в будни. Эти блинчики, надо сказать, действительно вкусные и более чем оправдывают свою репутацию, но это дурацкое правило – всего лишь хитрый маркетинговый ход, предназначенный для того, чтобы снизить требования.

– А что, если я по-прежнему буду голоден? – спрашивает он. – Могу я заказать второй? Вздвигнув, я качаю головой.

– Вы, наверное, издеваетесь. – Он садится немного прямее и сжимает зубы. – Это всего-то какой-то дохлый блинчик, мать его!

– Не просто какой-то блинчик, – отвечаю я с заученной улыбкой. – Это брентвудский блинчик.

– Вы пытаетесь любезничать со мной, мэм? – спрашивает он, перенося внимание на меня. Однако он не флиртует со мной. Его ноздри слегка раздуваются, и я не могу отогнать навязчивую мысль о том, как сексуально он выглядит, когда сердится. И это несмотря на то, что мне отнюдь не нравится сама мысль о том, чтобы оказаться в постели с таким наглецом.

Он, конечно, горячий парень, но я не люблю подонков. Все просто и незатейливо.

Чтобы переспать с ним, мне пришлось бы напиться. То есть по-настоящему напиться, без дураков. И отчаянно хотеть секса. И даже тогда... не знаю. Похоже, он в большой претензии ко всему миру, и никакая сексуальность не смогла бы отвлечь меня от этого.

– Давайте, я передам ваш заказ, хорошо? – спрашиваю я с улыбкой настолько принужденной, что щеки у меня болят. Говорят, что хорошее настроение заразно, но я начинаю подозревать, что у этого типа иммунитет.

– Только если это будет полный заказ, мэм, – возражает он и резко выдыхает, сжав губы в тонкую линию. Не знаю, почему он все время называет меня «мэм», хотя я явно младше него. Черт, да еще три года назад у меня не было законного права покупать спиртное.

Я не «мэм».

– Повар не станет готовить вам два, – извиняющимся тоном говорю я, потом прикусываю нижнюю губу. Если я изображу слабость и беспомощность, может быть, он немного сдаст назад? Это действует. Иногда.

– Это для моей спутницы. – Он указывает на пустое сиденье напротив себя. Другая его рука сжимается в кулак, и я не могу не отметить, что его часы показывают время по двадцатичетырехчасовой системе – как принято в армии. – Так получилось, что она подойдет позже.

– Мы не обслуживаем посетителей, которые не присутствуют здесь физически, – отвечаю я. Еще одно строгое правило нашего кафе. Слишком много клиентов за годы нашей работы пытались воспользоваться этой лазейкой, поэтому ее пришлось закрыть. Но ее не просто закрыли, а задраили все люки, установив на кухне огромный монитор наблюдения, защищенный закаленным стеклом. Администрация даже обязала поваров сверяться с картинкой на экране, прежде чем начать готовить заказ, – просто чтобы убедиться, что никто не нарушает правила.

Мужчина запускает пальцы в свои темные волосы, которые, как я теперь понимаю, подстрижены «согласно уставу».

Военный. Держу пари, он военный.

Должен быть военным. Стрижка, часы. Бранные словечки, странно сочетающиеся с постоянным «мэм». Он напоминает мне моего кузена Эли, который десять лет служил в армии США, и если в остальном он тоже похож на Эли, то не успокоится насчет своего заказа.

Выдохнув, я осторожно кладу ладонь ему на плечо, несмотря на то, что мы не должны по каким бы то ни было причинам прикасаться к посетителям; но этот парень ужасно напряжен, и его мускулистое плечо просто умоляет о мягком прикосновении.

– Просто... подыграйте мне, ладно? – прошу я. – Я посмотрю, что тут можно сделать.

Этот человек служит нашей стране. Он сражается за нашу свободу. Несмотря на тот факт, что он, несомненно, изрядный наглец, он заслуживает хотя бы второго блинчика.

Мне нужно проявить творческий подход.

Вернувшись на кухню, я передаю его заказ и еще раз проверяю, не нужно ли чего-либо чете Карнавалес. Когда я направляюсь, чтобы заново наполнить кофейник, я прохожу мимо стола, за которым сидит толпа визжащих детишек. Один из них только что скинул огромный блинчик со своей тарелки прямо на пол, к вящему испугу своей матери, которая громко ахает.

Наклонившись, я поднимаю липкий круг теста с пола и кладу обратно на тарелку.

– Вам принести с кухни замену? – спрашиваю я. Им повезло. Это единственный случай, когда предусмотрено исключение из правил, и в доказательство я должна предоставить грязный блинчик.

Ребенок визжит, и я едва слышу, что пытается сказать его мать. Окинув взглядом стол, я вижу пять мелких безобразников, все в возрасте не более восьми лет. Все они одеты в наряды от «Burbary», «Gucci» и «Dior». У матери накачанные ботоксом губы, на указательном пальце правой руки сверкает кольцо с огромным камнем; отец сидит, уткнувшись носом в телефон.

Но я им не судья.

В Лос-Анджелесе не так-то много хороших заведений, дружелюбно настроенных к детям, и вряд ли «Mr. Chow» или «The Ivy» примут этот шумный выводок с распростертыми объятиями. Я даже полагаю, что там нет специальных высоких кресел для детей.

– Не хочу блинчик! – кричит в лицо матери старший из этих загорелых беловолосых гремлинов, и ее безупречно-спокойное лицо идет алыми пятнами, почти в тон ее дорогой сумке «Биркин».

– Просто... унесите это, – смущенно говорит она, прикладывая ладонь к гладкому ботоксному лбу.

Кивнув, я уношу блинчик обратно на кухню, но по пути останавливаюсь в раздаточной, беру стопку льняных салфеток и прячу под ними тарелку. Как только мой военный клиент доест свой первый блинчик, я прибегу на кухню и заявлю, что этот самый блинчик случайно упал на пол.

– Заказ готов! – кричит из окошка один из поваров, и я направляюсь туда, чтобы забрать завтрак для солдата – только что приготовленный, горячий. Вероятно, я случайно переместила его заказ в самое начало очереди, когда никто не видел, потому что не хочу выслушивать от этого типа жалобы на то, что он ждет завтрака слишком долго.

Схватив его тарелку, я спешно доставляю ее к его столику и ставлю там с улыбкой и любезной фразой:

– Вам сейчас еще что-нибудь требуется?

Его взгляд падает на еду, потом снова устремляется на меня.

– Знаю, знаю, – говорю я, поднимая руку ладонью вперед. – Просто... поверьте мне. Я улажу этот вопрос для вас.

Я моргаю, испытывая к себе некоторое отвращение. Он понятия не имеет, как трудно мне вот так угождать ему, в то время как он мне грубит. Больше всего мне хотелось бы опрокинуть кофейник с горячим кофе ему на колени, но из уважения и благодарности к его военной службе – не к нему самому, а к его службе! – я этого не делаю.

И, кроме того, я работаю за чаевые. Мне в некотором роде приходится быть услужливой. И, видит бог, мне нужна эта работа. Может, я и живу в роскошном гостевом доме своей бабушки, но, можете мне поверить, она берет с меня за это плату.

В семействе Клейборнов не существует такого понятия, как «бесплатные услуги».

Брюнет морщит свой прямой нос и втыкает зубцы сверкающей вилки в пышный кусок омлета.

Он не говорит «Спасибо» – меня это не удивляет, и я сообщаю, что вернусь через некоторое время проверить, не нужно ли ему что-нибудь. Я иду в раздаточную, где переводит дух другая официантка, Рейчел.

– Этот стол с вопящими детьми – твой? – спрашиваю я. Она смахивает со лба белокурые пряди и закатывает глаза.

– Ага.

– Лучше ты, чем я, – поддразниваю я. У Рейчел – трое собственных ребятишек. Она добра к детям и, похоже, всегда знает, что сказать, чтобы отвлечь их или предотвратить безобразную истерику.

– Меняемся? – предлагает она. – Это семейство на чувака с ямочками за двенадцатым столиком.

– У него есть ямочки? – Я высовываюсь в зал, глядя на своего военного.

– О боже, да, – отвечает она. – И глубокие. А еще убийственная улыбка. Я думала, он модель или актер или что-то в этом роде, но он сказал, что он капрал в армии.

– Не может быть, чтобы речь шла об одном и том же человеке. Мне он даже не улыбнулся ни разу, а тебе уже рассказал, чем он занимается?

– Ха. – Рейчел поднимает тонкую рыжую бровь, как будто тоже предполагает, что мы с ней говорим о двух разных людях. – Он еще так мило поздоровался со мной и улыбнулся. Мне он показался очень дружелюбным.

– Вон тот, за тем столом, верно? Темные волосы, золотистые глаза, мышцы, выпирающие из-под серой футболки? – Я быстро указываю пальцем, потом отдергиваю руку. Рейчел тоже выглядывает за дверь.

– Да, это он. Такое лицо трудно забыть. И такие бицепсы...

– Странно. – Я складываю руки на груди, посматривая в его сторону, и гадаю: быть может, у него есть какие-то предубеждения против таких девушек, как я? Хотя я совершенно обычная по сравнению с большинством здешних девушек. Среднего роста, среднего веса, темно-каштановые волосы, карие глаза.

Быть может, я напоминаю ему его бывшую?

Я так и стою в задумчивости, когда он вдруг ни с того ни с сего поворачивается и смотрит мне в глаза, словно знал, что я за ним наблюдаю. Я тянусь за полотенцем для рук, опускаю взгляд и притворяюсь, будто занята тем, что стираю с раздаточной стойки воду от растаявшего кубика льда.

– Что, поймали тебя? – Рейчел толкает меня локтем в бок и направляется к столику с детьми. Я хлопаю ее по руке, когда она проходит мимо меня, а потом трачу полсекунды на то, чтобы восстановить внешнее спокойствие. Как только щеки перестают гореть, я направляюсь к столику военного и с облегчением удостоверяюсь, что его блинчик уничтожен, на тарелке не осталось ни единого губчатого кусочка. По сути, уничтожен весь его завтрак... кофе и все остальное.

Я тянусь за его тарелкой, но он останавливает меня, положив ладонь мне на руку, и наши глаза встречаются.

– Почему вы пялились на меня вон оттуда? – спрашивает он. Взгляд у него в равной мере пронзительный и интригующий, как будто он изучает меня, быстро и четко составляя мнение обо мне. Но при этом он словно бы проверяет меня, хотя это бессмыслица, потому что неприязнь ко мне буквально сочится из его идеальной загорелой кожи.

– Прошу прощения? – Я играю в дурочку.

– Я видел вас. Отвечайте на вопрос.

О боже. Он не свернет с этой темы. Что-то подсказывает мне, что следовало принять предложение Рейчел и обменяться столиками. С того момента, как я налила этому клиенту кофе, он только и делает, что доставляет неприятности.

Я поджимаю губы, не зная, что сказать. Отчасти я понимаю, что, вероятно, следовало бы выдать какую-нибудь ерунду, которая польстит ему, и тогда он не станет жаловаться старшей нашей смены, но другая часть меня устала любезничать с человеком, который любезно здоровается с одной официанткой, а с другой, которая его обслуживает, обращается так, как будто она вообще не человек.

– Вы разговаривали обо мне с другой официанткой, – добавляет он. Его ладонь все еще лежит поверх моей руки, не давая мне оборвать этот разговор.

Вздыхнув, я отвечаю:

– Она хотела обменяться со мной столиками.

Его темные брови приподнимаются, он вглядывается в мое лицо.

– Еще она сказала, что у вас ямочки на щеках, – продолжаю я. – И что вы ей улыбнулись и поздоровались с ней. Я просто размышляла о том, почему вы так вежливы с ней, а со мной – нет.

Он отпускает мою руку, и я выпрямляюсь, поправляю фартук, а потом разглаживаю ладонями переднюю часть.

– Пока я ждал в очереди, она принесла мне газету. Она не обязана была делать этого, – говорит он, поджимая губы. – Дайте мне повод вам улыбнуться – и я улыбнусь.

Ничего себе, нахал!

Уши у меня горят, зубы сами собой сжимаются, и я понимаю, что должна сейчас уйти прочь, если хочу сохранить свою ценную должность официантки утренней смены в «Брентвудском блинчике и кофе», но таким типам, как он...

Я пытаюсь что-то сказать, но мысли на какое-то время улетучиваются из моей головы, вытесненные яростью. Секунду спустя я ухитряюсь процедить сквозь зубы короткую фразу:

– Вам принести ваш чек, сэр?

– Нет, – без малейшей паузы отвечает он. – Я еще не закончил завтракать.

– Еще омлета? – спрашиваю я.

– Нет.

Не могу поверить, что я собираюсь сделать это для него, но при таком раскладе... чем быстрее я выдворю его отсюда, тем лучше. Я имею в виду, что сейчас я делаю это для себя, будем честны.

– Один момент. – Я уношу его грязные тарелки на мойку, потом проникаю в раздаточную и хватаю грязный блинчик того мальчишки. Пульс отдается у меня в ушах, тело горит, но я иду вперед, возвращаюсь к окошку выдачи и говорю, что мой клиент с двенадцатого столика уронил свой блинчик на пол.

Повар смотрит на тарелку, потом на монитор наблюдения, потом снова на меня, забирает тарелку у меня из рук и взамен отдает свежий блинчик на чистой тарелке. В кухне работает целый конвейер – повара в колпаках и фартуках стоят вокруг плиты длиной в два фута, с лопаточками в каждой руке.

– Спасибо, Брэд, – говорю я. На обратном пути к столику посетителя я проверяю, как там Карнавалесы, но их столик уже занимает другой клиент, и Рейчел сообщает мне, что принесла им чек сама, поскольку они спешили.

Черт.

– Вот. – Я ставлю тарелку перед этим типом – кто он там, капрал?

Он поднимает на меня взгляд, медовые глаза на миг прищуриваются. Я подмигиваю, молясь, чтобы он не стал задавать вопросов.

– Скажите мне, если вам что-нибудь еще нужно, хорошо? – говорю я, борясь с желанием добавить: «Только не проси еще один блинчик, потому что черт меня побери, если я снова буду рисковать своей работой ради такой неблагодарной свиньи, как ты!»

– Кофе, мэм. Я хотел бы еще чашку кофе. – Он тянется за стеклянной сиропницей и поливает липким, сладким, импортированным из Вермонта сиропом весь свой блинчик, от которого все еще исходит пар. Я стараюсь не смотреть, как он рисует сиропом крест, потом обводит его кружочком.

Я широким шагом направляюсь в раздаточную, беру новый кофейник и возвращаюсь к его столику, наполняю чашку, как и в первый раз, на три четверти. Секунду спустя этот тип поднимает на меня взгляд, уголки его полных губ разъезжаются в стороны, и на его щеках появляются две самые идеальные ямочки, какие я когда-либо видела... словно последние двадцать минут были какой-то шуткой, словно он просто испытывал мое терпение, изображая самого наглого негодяя в мире.

Но все заканчивается буквально за секунду.

Его жемчужная улыбка с ямочками на щеках исчезает прежде, чем я успеваю полностью оценить, насколько милым он выглядит, когда не сидит, весь такой высокомерный и угрюмый.

– Боже, наконец-то я дала вам повод улыбнуться, – поддразниваю я его. В некотором роде. Потом снова мягко касаюсь его плеча, все еще чертовски напряженного. – Вам еще что-нибудь принести?

– Да, мэм. Принесите счет.

Слава богу.

Я спешу сделать все как можно скорее. Не проходит и минуты, как я ввожу в систему расчета свой личный номер, печатаю чек, кладу в специальную папку и спешу к его столу. Когда я подхожу, его банковская карта уже лежит на краешке столешницы – как будто я слишком задержалась, и он устал держать ее в руках.

Ему так же не терпится уйти, как мне не терпится спроводить его прочь. Полагаю, это единственное, что нас объединяет.

– Я сейчас вернусь, – говорю я ему. На его карточке – простом темно-синем пластиковом прямоугольнике с логотипом VISA в нижнем углу и надписью «NAVY ARMY CREDIT UNION» сверху – вытиснено имя: Исайя Торрес.

Вернувшись, я протягиваю ему ярко-фиолетовую гелевую ручку, которую ношу в кармане, и начинаю собирать его пустую посуду.

– Спасибо вам за... – Он указывает на липкую тарелку у меня в руках и подписывает чек. – За это.

– Конечно, – отвечаю я, избегая встречаться с ним взглядом, потому что чем быстрее я притворюсь, будто он уже ушел, тем лучше. – Хорошего вам дня.

Скотина.

Подняв взгляд, я вижу, что наша хостесс, Мэдди, машет мне рукой и артикулирует, что меня ждут три новых столика. Из-за этого «обаяшки» я разочаровала Карнавалесов, рисковала своей работой и заставила ждать нескольких посетителей – и все это в течение получаса.

Исайя закрывает кожаную папку, где лежит чек, и поднимается с диванчика. Встав во весь рост, он возвышается надо мной, смотрит на меня сверху вниз и удерживает мой взгляд в течение одной-единственной секунды, которая кажется мне вечностью.

На миг его крепкая челюсть и полные губы буквально завораживают меня, мое сердце пропускает пару ударов, и я почти забываю о нашем небольшом обмене колкостями.

– Мэм, будьте добры, я хотел бы пройти, – говорит он, и я соображаю, что преграждаю ему путь.

Я делаю шаг в сторону, и он проходит мимо, задев меня плечом, свежий запах мыла и пряный аромат бальзама после бритья наполняет мои легкие. Сунув папку с чеком в карман фартука, я иду к столикам, которые мне только что назначили, потом со всех ног бегу разливать напитки.

Глянув в сторону выхода, я замечаю, как Исайя останавливается в дверях и медленно поворачивается, чтобы бросить на меня еще один взгляд. Я не знаю, что побудило его к этому, и только час спустя я наконец улучаю время, чтобы проверить его чек. Может быть, я боялась этого, может быть, намеренно загоняла эту мысль в глубь сознания, слишком хорошо понимая, что после всего сделанного мною для него он оставит мне «на чай» какую-нибудь мелочь, оскорбительную, словно плевок в лицо. Или хуже – вообще ничего.

Но я ошиблась.

– Марица, что такое? – спрашивает Рейчел, останавливаясь передо мной с руками, полными аккуратно сложенных одна в другую грязных тарелок.

Я мотаю головой.

– Этот тип... он оставил мне сто долларов чаевых.

Она морщит нос.

– Что? Дай, гляну. Может, ты ошиблась?

Я показываю ей чек и четко написанную единицу с двумя ноликами на соответствующей строке. Общая сумма подтверждает, что эти чаевые – не ошибка.

– Не понимаю. Он вел себя, как полная задница, – бормочу я себе под нос. – Это что получается, пятьсот процентов от заказа?

– Может быть, в последнюю минуту в нем проснулась совесть? – Рейчел оттопыривает губу. Я закатываю глаза.

– Что бы это ни было, я только надеюсь, что он никогда больше сюда не придет. А если придет, обслуживать его будешь ты. Никаких чаевых в мире не хватит, чтобы я захотела снова налить этому наглому грубияну хотя бы стакан воды. И мне плевать, насколько он горячий парень.

– С радостью. – Рейчел складывает губы бантиком. – У меня страсть к щедрым грубиянам с такой офигенной внешностью.

– Знаю, – отвечаю я. – Я видела двух твоих последних бывших.

Рейчел показывает мне язык и идет прочь, а я украдкой бросаю еще один взгляд на чаевые Исайи. Не то чтобы он был первым посетителем, кто так щедро отблагодарил меня – в этом городе деньги едва ли не растут на деревьях, – просто это какая-то бессмыслица, и мне вряд ли удастся спросить его, зачем он это сделал.

Выдохнув, я возвращаюсь к работе.

В последнее время я работаю чертовски много, чтобы сделать свою жизнь не такой сложной, и не собираюсь мечтать о каком-то замороженном типе, которого никогда больше не увижу.

Глава 2. Исайя

– Как ты себя чувствуешь, *Mamãe*¹? – Я захожу в спальню матери в ее маленькой квартирке в Южном Лос-Анджелесе. До этого я успел позавтракать в кафе и закончить еще несколько дел. Я, конечно, предпочел бы поесть утром здесь, у мамы дома, но в шкафах на кухне нашел только мятые жестянки с дешевым супом, черствую буханку белого хлеба и пару коробок панировочных сухарей.

Надо будет сходить в продуктовый магазин, а после этого я напомню своим охреневшим братцам и сестрицам, что в мое отсутствие это, вообще-то, их обязанность.

– Мам? – спрашиваю я, вглядываясь в непроглядную темноту, царящую в ее комнате. – Ты проснулась?

С улицы доносится вой полицейских сирен, дети соседей сверху с топотом бегают туда-сюда по коридору – уже привычное звуковое сопровождение. Как ни странно, все это смешивается в некое подобие «белого шума», от которого легко отрешиться.

Мама поворачивается на бок; в комнате пахнет смертью, несмотря на то, что Альба Торрес все еще жива. Доктора уже много лет пытаются поставить ей диагноз: то они заявляют, что у нее синдром хронической усталости или фибромиалгия, потом говорят, что у нее болезнь Лайма. Другие доктора утверждают, что вот-вот поймут точно, только надо сдать побольше анализов. Провести больше обследований, больше МРТ, больше осмотров, больше консилиумов.

Но мы по-прежнему не знаем ничего – только то, что она постоянно чувствует себя усталой и постоянно испытывает боль.

– Исайя? – спрашивает она с легким стоном, пытаюсь сесть.

Я подхожу к кровати и включаю тусклую лампочку, стоящую на ночном столике, заваленном баночками и блистерами с лекарствами. Лицо мамы проясняется, когда она видит меня, она тянет исхудавшую дрожащую руку, чтобы коснуться моей щеки.

– *Que horas sao?*² – Потом она пытается взять часы, лежащие все на том же столике, и роняет коробку с носовыми платками. Хотя мама с двадцати лет живет в Штатах, но когда она чувствует себя особенно обессиленной, она переходит на португальский язык.

– Почти четыре часа.

– Дня? – спрашивает она. Я киваю.

– Да, мам, дня.

– Что ты делал сегодня? – Она все-таки садится, пусть и с трудом, и похлопывает ладонью по краю постели. Я присаживаюсь рядом.

– Позавтракал в кафе. Выполнил несколько поручений. Сходил в кино.

– *Sozinho*³? – Она хмурится.

– Да, один. – Я не знаю, почему она испытывает разочарование или печаль от того, что я все делаю один. Мне двадцать семь лет, и несмотря на то, что братьев и сестер у меня больше, чем я могу сосчитать по пальцам одной руки, несмотря на то, что я побывал во многих штатах и завел там друзей и приятелей, я всегда предпочитал делать все по-своему – в одиночку.

Так жизнь приносит намного меньше разочарований.

– Я так рада, что ты дома, Исайя. – Она улыбается болезненной улыбкой и берет меня за обе руки. Ладони у нее теплые, но пальцы ледяные. – Пожалуйста, скажи мне, что ты будешь здесь еще какое-то время.

¹ *Mamãe* (португ.) – мама.

² *Que horas sao?* (португ.) – Который час?

³ *Sozinho?* (португ.) – Один?

– Я отбываю на следующей неделе, – напоминаю я ей. – Через девять дней, если точно. Мать качает головой.

– Я не знаю, зачем ты раз за разом уезжаешь туда, Исайя. Это чудо свыше, что ты каждый раз возвращаешься домой, но когда-нибудь ты вернешься в ящике в брюхе самолета.

Она крестится и почти беззвучно бормочет короткую католическую молитву.

Я сжимаю переносицу двумя пальцами и опираюсь локтями о колени. Я не могу смотреть на нее сейчас, когда ее темные глаза с каждой секундой наливаются слезами. Я не люблю видеть ее боль, и особенно – если это боль из-за меня.

– Это моя работа, – говорю я, отлично понимая, что ей от этого ничуть не легче. – Моя карьера.

– Разве ты не мог выбрать что-нибудь другое? – спрашивает она. – Можно было бы работать с компьютерами или чинить машины, или строить дома... Ты всегда хорошо умел работать руками.

– И до сих пор умею, – подтверждаю я.

– Напомни мне, когда ты выйдешь в отставку? – просит она.

– Ты же знаешь, я заново завербовался только в прошлом году. – Я вдыхаю и выдыхаю, укрепляя свое терпение. Мы сто раз вели разговор об этом, но я не должен злиться. Лекарства затуманивают ее память.

Мама щелкает языком.

– Я всегда думала, что ты вместе с сестрами откроешь кафе.

– Да они просто взяли и сделали это без меня, но это к лучшему. Ты же пробовала мою стряпню, – ухмыляюсь я, думая о том случае, когда я сделал лепешки-тако на всю семью, но забыл про приправы. Мне годами не давали об этом забыть. После этого я наотрез отказывался даже заходить на кухню. – Я привез тебе обед. Ты хочешь есть?

Я поднимаюсь, иду на кухню и достаю салат из сердцевины пальмы, который купил в ее любимом бразильском стейкхаусе чуть дальше по улице; салат вместе с бутылкой воды и маминими таблетками я ставлю на металлический столик-поднос.

Когда я возвращаюсь в ее комнату, она уже сидит в угловом кресле и переключает каналы на тридцатидюймовом телевизоре, стоящем на старом комод. Через минуту она останавливается на телевикторине «Рискуй!», и почти сразу же веки ее начинают трепетать. Маму постоянно клонит в сон, но она борется с этим.

– Спасибо, *meu amor*⁴, – говорит она, когда я ставлю перед ней обед. Снова коснувшись пальцами моей щеки, она улыбается. – Ты так добр ко мне, Исайя. Я не заслуживаю такого сына, как ты.

– Мам, не говори так. Ты заслуживаешь *tudo*. Ты заслуживаешь всего.

Когда-то она была женщиной, полной жизненной силы. Она была не способна сидеть на месте дольше двух минут, она учила своих детей, рожденных в Америке, всем бразильским колыбельным, которые только могла вспомнить. У нее был заразительный смех, длинные темные волосы ниспадали ей на спину, а гардероб был полон нарядных вещей. Альба Торрес всегда была самым ярким человеком в любой компании – в прямом и переносном смысле. Ее страсть к жизни передавалась другим, а ее личность была столь всеобъемлющей, что ее стройное невысокое тело – пять футов два дюйма ростом, – казалось, с трудом вмещало эту личность.

А потом она заболела.

Но кто-то должен был заботиться о ней, и, конечно же, не мои братья и сестры. Когда им приходится этим заниматься, – то есть в мое отсутствие, – они справляются на редкость дерьмово.

⁴ *Meu amor* (португ.) – моя любовь.

Должен признать, что моя старшая сестра, Калиста, принимает на себя основную тяжесть этой заботы, когда я уезжаю, но она растит четверых детей, а ее муж работает на двух работах, так что ей я, так и быть, согласен оказать некоторое снисхождение.

– Чем ты будешь заниматься эту неделю? – спрашивает мама. – Чем-нибудь особенным? Я пожимаю плечами. По большей части я намерен просто убивать время.

– Понемногу тем, понемногу этим.

Мама закатывает глаза, потом снова обращает сонный взгляд на экран, где улыбается Алекс Требек.

– Ты всегда такой скрытный, мой Исайя.

– Мне нечего скрывать. Просто постараюсь себя чем-нибудь занять.

– Женщинами и выпивкой? – уточняет она, приподнимая темные брови.

– Ты полагаешь, что я трачу свое свободное время на это? – Я притворяюсь оскорбленным, хотя мы оба знаем, что она не так уж неправа. Я намерен пошляться по спортбарам сегодня вечером... и завтра вечером... и послезавтра тоже.

А может быть, и через два дня.

В этом и заключается прелесть того, чтобы быть одиноким волком. Твоя жизнь – на сто процентов твоя, и ты можешь делать все, что захочешь, черт побери.

– Мне бы хотелось думать, что ты волонтеришь в приюте для бездомных или убираешь мусор на обочине шоссе, но я тебя знаю. – Она тянется за вилкой, потом устремляет взгляд на салат. – Может быть, однажды ты встретишь какую-нибудь милую девушку и наконец-то перестанешь тратить лучшие годы своей жизни на посторонних девок, которые тебя не заслуживают.

– Ты слишком много беспокоишься. – Я наклоняюсь и целую ее в макушку, от которой пахнет давно не мытыми волосами. Надо позвонить Калисте и сказать, чтобы помогла маме принять душ. – Я еду в продуктовый, у тебя в шкафах совсем пусто.

Ее хрупкая рука снова касается моей щеки, полные губы изгибаются в улыбке.

– Не говори остальным, но ты всегда был *meu favorito*⁵.

– Знаю, – ухмыляюсь я.

* * *

Моя тележка нагружена доверху, в основном натуральными продуктами долгого хранения. В отличие от своих братцев и сестриц, я решил не быть дешевым жмотом. Мама заслуживает хорошей вкусной пищи, от которой ее состояние не будет ухудшаться, поэтому я доехал до «Whole Foods» в Брентвуде, а не пошел в дешевый продуктовый магазин с решетками на окнах, расположенный рядом с маминым домом.

Я беру сорок банок консервированных супов и овощей, двадцать упаковок готовых натуральных обедов с рисом и макаронными изделиями, восемь буханок хлеба, которые намереваюсь запихать в морозильник, двадцать картонок молока длительного хранения и еще всякое-разное, в основном мыло, шампуни и бумажные гигиенические принадлежности. Проходя через кондитерский отдел, я добавляю несколько плиток ее любимого шоколада.

Я не зря получил звание любимого ребенка Альбы Торрес.

Пятнадцать минут спустя я загрузил это все в машину и направился обратно к маминому дому. И сейчас стою на светофоре, пережидая бесконечный красный свет. Загораются две зеленые стрелки, позволяя двум левым крайним полосам ехать на поворот, но все остальные, в том числе и я, продолжают ждать.

⁵ *Meu favorito* (португ.) – мой любимец.

Я смотрю на экран своего телефона и набираю сообщение старому армейскому другу, живущему поблизости; я хочу знать, не желает ли он попозже пойти выпить вместе со мной, но прежде чем я нажимаю кнопку «отправить», меня оглушает металлический лязг, и моя машина прыгает вперед, потом останавливается, врезавшись в зад вишневого «Мерседеса».

– Да мать твою! – Я ударяю кулаками по рулю и вылезая наружу, и к тому времени, как я оборачиваюсь, чтобы оценить урон, водительница, устроившая все это, уже стоит чуть поодаль, согнувшись и ощупывая помятый бампер своего «Приуса».

– Какого хрена вы творите? – орет на нас обоих мужчина в сером костюме, буквально припечатывая свой телефон к щеке; его смуглое лицо проходит все пятьдесят оттенков красного.

– Прошу прощения, сэр. – Девушка выпрямляется, прижимая ладони к лицу. – Я увидела зеленый свет и нажала на газ. Я не поняла, что это только на поворот. Не обратила внимания.

Я поднимаю палец, чтобы заставить ее замолчать. Она явно никогда прежде не участвовала в ДТП, иначе знала бы, что нельзя брать вину на себя.

– Круто. Теперь я опоздаю. – Мужчина трясет головой, сжимая зубы. – Надеюсь, вы довольны этим.

– Послушайте, хватит, – говорю я, поднимая руки ладонями вперед. – Это была случайность. Девушка извинилась. Давайте сделаем все, что положено, в таких случаях, и поедем по своим делам.

Я осматриваю бампер своего старого «Порше 911Т», изучаю глубокие царапины и ошметки синей краски на его прежде безупречно чистом бампере. Мне, конечно, тоже хотелось бы выбрать эту девицу за то, что она забыла, как водить, и помяла мое самое ценное имущество, но я делаю глубокий вдох и стараюсь держать себя в руках. Не хватало еще выглядеть так же, как этот напыщенный болван на «Мерседесе».

– Вот, возьмите. – Девушка протягивает мне свою страховочную карточку, и я, достав телефон, фотографирую эту карточку с обеих сторон, а потом возвращаю владелице. При этом наши руки соприкасаются, и я наконец-то смотрю на нее внимательно.

Господи Иисусе.

Это та официантка.

Из кафе с блинчиками.

Как только наши взгляды встречаются, ее лицо застывает. Она тоже узнает меня.

– У тебя есть страховочная карточка? – Напыщенный урод влезает между нами, практически выхватывая карточку из ее рук. – Ты-то застрахован, а?

– Чувак, остынь на хрен, – советую я ему, склонив голову набок.

– Не называй меня чуваком, долбаный козел, и не говори мне, на хрен, остынь, – отвечает он, раздвигая губы в уродливом оскале. – Ты видел, что твой кусок дерьма сделал с моим бампером?

Мой «кусок дерьма» на самом деле – «Порше 911Т» 1969 года, и в мире их осталось всего несколько сотен. Сказать по правде, я лет пять назад нашел его на свалке металлолома и между боевыми командировками самолично привел в порядок. Он не хуже новенького, но если этот тип желает бранить мою машину – пусть себе.

– Ну и наглец, – шепчет официантка, прикрывая ладонью край полных губ, словно мы с нею два приятеля, обменивающиеся тайнами.

– Вы писали сообщения за рулем, да? – спрашиваю я, уперев руки в бока и нахмутив брови. То, что мы с ней оказались в этом деле на одной стороне, против надутого индюка на «мерсе», не означает, что мы вдруг сделались лучшими друзьями.

Она мотает головой и скрещивает руки на груди.

– Говорю же, я посмотрела не на тот сигнал светофора.

– Бензобак у меня в передней части машины, – сообщаю я. – Вам повезло, что вы ехали не так быстро, как могли бы.

Потирая подбородок ладонью, я смотрю, как индюк из «Мерседеса» направляется к патрульной машине, только что прибывшей на место событий. Проезжающие машины сигналият, водители опускают окна и выкрикивают ругательства в наш адрес за то, что мы создаем пробку. Я их не виню. Уже пять часов, и люди спешат попасть домой. Дорожное движение и так плотное, даже без этого дурацкого столкновения, перекрывшего полосу.

Патрульный офицер пару секунд разговаривает с недовольным типом, потом направляется в нашу сторону, и я лезу в свою машину за водительским удостоверением.

После того как показания сняты и обмен сведениями состоялся, тип на «Мерседесе» сваливает отсюда ко всем чертям, официантка возвращается в свою машину, а я в свою. Глянув в зеркало заднего вида, я вижу, что она снова что-то набирает на телефоне.

Закатив глаза, я протягиваю руку к замку зажигания и поворачиваю ключ.

Ничего.

Я пробую снова.

По-прежнему ничего.

– Какого хрена, вы что, издеваетесь? – Я роняю голову на руль. Как только эта девица в меня врезалась, я первым делом подумал о том, что движок у меня прямо за задней осью, но когда я оценивал урон, мне показалось, что все повреждения чисто косметические.

Должно быть, удар сместил что-то важное.

Выбравшись из машины, я снова иду назад и открываю капот, перегнувшись через мотор, чтобы проверить: вдруг смогу на глаз определить поломку?

– Все в порядке? – раздается позади меня женский голос. Обернувшись, я вижу все ту же официантку.

– Явно нет, – отворачиваюсь я. – Не заводится.

– О боже. Давайте, я вызову вам эвакуатор. – Она достает свой телефон и начинает лихорадочно набирать в поиске соответствующую службу. – Простите, пожалуйста.

– Угу. Вы уже извинялись, в самом начале.

Я изучаю крышку распределителя, потом реле топливного насоса, которое при столкновении очень легко своротить. Потечков на асфальте не видно, уровень охладителя выглядит нормальным. Вероятно, мне придется разобрать все по винтику только для того, чтобы понять, что не так, – ну, конечно, я же мечтал провести неделю перед командировкой именно за этим занятием!..

– Вас подвезти до дома? – спрашивает она.

Окинув взглядом гору пакетов с продуктами на пассажирском сиденье своей машины, я понимаю, что они, конечно, длительного хранения, но я потратил на них совсем не лишние мне деньги и хотел бы доставить их маме как можно скорее – на тот случай, если меня собьет автобус... а судя по тому, как сегодня идут дела, это вполне вероятно. Я мог бы вызвать «Убер», но мне все равно придется какое-то время торчать здесь.

– Серьезно, я могу отвезти вас, – настаивает она. – Я чувствую себя ужасно виноватой из-за вашей машины. – Она подается ближе. – Но строго между нами – из-за машины того типа я не испытываю ни малейшей вины.

Симпатяшка-официантка усмехается, но я не улыбаюсь в ответ. В этом нет ничего смешного.

– Ладно, беру свои слова обратно, – говорит она, закатывая глаза и скрещивая руки на груди. – Просто пыталась немного разрядить обстановку. Но вы должны признать, что тот тип был просто хамло.

Несколько минут спустя я закрываю задний капот и прислоняюсь к машине.

– Вы уже вызвали эвакуатор?

Она кивает.

Резко выдохнув через нос, я сую руки в карманы джинсов и жду. Официантка усаживается на капот своего «Приуса», поставив ноги в кроссовках «Lacoste» на помятый бампер и опершись подбородком о ладони. Ее густые темные волосы стянуты на затылке в «конский хвост»; глаза у нее большие и круглые, насыщенного цвета кофе-мокко.

Несмотря на то что она убийственно хороша собой, на мой вкус она слишком бойкая, слишком болтливая. Слишком кипучая.

И сейчас у меня есть куда более важные заботы: например, понять, что же она, черт побери, сотворила с моей машиной.

– Эвакуатор скоро будет, – сообщает она, перекрикивая шум и гудки машин. Я чувствую на себе ее взгляд, но мне совершенно плевать. Уткнувшись в свой телефон, я трачу еще двадцать минут до приезда эвакуатора на тупые интернет-сайты и электронную почту.

– У меня на переднем сиденье покупки, – говорю я ей, указывая на свою машину. – Заберите их и переложите в свой багажник.

Она спрыгивает с капота и по одному переносит в свой «Приус» коричневые бумажные пакеты, пока я наблюдаю за эвакуатором, ползущим в нескольких кварталах от нас, и молюсь, чтобы это был мой.

Пять минут спустя я с облегчением выдыхаю, когда водитель эвакуатора притормаживает и ставит свой грузовик перед моей малышкой.

К тому времени, как мой «Порше» загружен на эвакуатор и я отдаю водителю ключи, я уже настолько напряжен, что игнорировать дальше это состояние трудно. Легко было не париться насчет всего этого час назад, когда я полагал, будто проблема только в нескольких царапинах и облупившейся краске. Но теперь я, черт побери, остался «безлошадным» в городе, где машина нужна каждому, а моя колесная радость и гордость до утра будет торчать на стоянке какой-нибудь провонявшей маслом автомастерской.

Я говорю водителю доставить машину в мастерскую моего приятеля в Пасадене, называю ему адрес и смотрю, как мой «Порше» исчезает в потоке машин, сидя на спине ярко-желтого грузовичка, по борту которого тянется надпись «Tim's Tow-n-Haul»⁶.

– Вы готовы? – спрашивает официантка, кивая в сторону своей машины.

Не говоря ни слова, я залезаю на пассажирское сиденье и вдруг понимаю, что понятия не имею, как ее зовут, и черт меня побери, если я помню, что она говорила сегодня утром во время моего завтрака.

Мои мысли тогда были совсем не об этом.

У меня не было времени на любезности, разговоры ни о чем и уж тем более на то, чтобы запомнить имя какой-то девушки, которую я, как предполагалось, видел в первый и в последний раз в жизни.

Она отключает «аварийку», а я достаю из кармана свой телефон и вывожу на экран фотографию ее страховочной карточки.

«Марица Клейборн».

– Так куда мы едем? – спрашивает она, кладя свой телефон в подстаканник. С зеркала заднего вида свисает освежитель воздуха в виде пальмочки, и салон машины наполнен слабым запахом кокоса и ананаса.

– В Южный Централ, – отвечаю я сухо и невыразительно.

Сначала она молчит, тишина стоит почти осязаемая. Все местные знают, что без необходимости в Южный Централ лучше не соваться. Это не самое безопасное место, но в это время дня с ней вряд ли там что-то случится, если она просто приедет туда, а потом уедет.

– На следующем светофоре направо, – говорю я.

⁶ «Tim's Tow-n-Haul» (англ.) – «Буксировщики и эвакуаторы Тима».

Поездка будет долгой, час или даже больше, в зависимости от пробок, поэтому я закрываю глаза и прислоняюсь головой к прохладному стеклу дверцы. По счастью, я провел в армии всю свою взрослую жизнь, и это научило меня засыпать где угодно и когда угодно, и комфорт меня при этом заботит менее всего.

– Спасибо, – роняет она, и ее голос нарушает тишину, которой я только-только начал наслаждаться, – за утренние чаевые. Это было очень щедро с вашей стороны. У меня не всегда бывает шанс поблагодарить людей за такие поступки.

Я не открываю глаз, только коротко бормочу:

– Угу.

– Можно спросить... почему? – Машина резко тормозит. Лос-анджелесские пробки.

Я открываю глаза, чтобы убедиться, что нам не грозит превратиться в отбивные.

– Почему что?

– Почему вы оставили мне чаевые в сто долларов за двадцатидолларовый заказ? – уточняет она.

Пожав плечами, я сажусь прямо, смиряясь с тем, что она, вероятно, из тех людей, которые предпочитают болтать всю дорогу. Некоторые люди просто не выносят молчания – как будто не знают, что с ним делать.

– А какая разница? – спрашиваю я.

Марица поворачивается ко мне, ее темные глаза обрамлены еще более темными ресницами.

– Ну, просто сначала вы были так грубы со мной. Я на самом деле ожидала, что вы вообще откажете в чаевых. Так что когда вы сделали совсем противоположное... это застало меня врасплох.

– Не знаю. В знак уважения за нарушение правил.

– Не то чтобы у меня был выбор. – Она нажимает педаль газа, и машина медленно движется вперед. – Вы практически потребовали, чтобы я принесла вам второй блинчик.

– На следующем светофоре налево, – говорю я ей, меняя тему.

– Чтоб вы знали – я сделала это только потому, что вы были так адски настойчивы. И еще – вы военный. У меня слабость к военным.

Люди всегда имеют самые лучшие намерения, когда прославляют тебя за службу в армии – просто говорят «спасибо» за это, предлагают тебе что-то бесплатно или со скидкой, – но я не святой и не заслуживаю особой благодарности.

Я просто делаю то, что должен делать.

И никаких похвал за это не жду.

Я проверяю, который час. Ехать осталось еще минут сорок.

Сорок долгих минут.

– Так вы все еще в армии? – спрашивает она. – Я имею в виду – на действительной службе?

– Угу. На следующей неделе снова отправляюсь в Афганистан.

– Вам когда-нибудь было страшно? Ну, ехать туда? – спрашивает она. Ее вопрос кажется мне слишком личным, чтобы задавать его совершенно незнакомому человеку, но деваться мне все равно некуда, так что...

– Если отправка в зону боевых действий тебя пугает, значит, ты выбрал не ту работу, – говорю я с тяжелым вздохом. Не знаю уж, какого черта эта девушка ведет себя так, словно мы с ней лучшие друзья – и это после того, как она врезалась в мой «Порше».

– Как вам это удастся? – вопрошает она, бросив на меня короткий взгляд. – Как вам удастся не думать об этом?

Должен признать, что в первый раз я слегка нервничал, не зная, чего ожидать, но человек привыкает ко всему, особенно когда у него нет другого выбора.

– Ты блокируешь ту часть сознания, которая заставляет тебя чувствовать то, чего ты чувствовать не хочешь, – объясняю я, ерзая на сиденье.

– А-а, – произносит она, крепче сжимая руль. – Вы один из этих.

– Один из кого?

– Ну, из этих мачо-супермачо, – отвечает она, запуская свои идеальные зубы в полную нижнюю губу, чтобы удержаться от насмешливой улыбки. – Никаких эмоций. Никаких забот. Цельная стальная личность.

– Вы говорите так, словно в этом есть что-то плохое.

– Но это действительно плохо. Мы должны чувствовать – должны сами себе. Должны позволять себе злиться, грустить, бояться, – говорит она. – Есть своя прелесть в том, чтобы испытывать весь спектр эмоций в мире, где люди пытаются заглушить чувства наркотиками, алкоголем или жалкими оправданиями.

Если бы я позволил себе постоянно чувствовать, это заставило бы меня развязать свою личную войну, и хорошо от этого не было бы никому. Плавали, знаем. И больше я так делать не намерен. Я причинил боль слишком многим людям – людям, которые были мне дороги больше всего на свете.

– Сверните налево, – указываю я.

– Я встречалась с одним парнем года, наверное, три. Мне понадобилось так много времени, чтобы осознать, что он всегда будет любить свою самопальную музыкальную группу больше, чем меня. – Марица хихикает. Если девушка может смеяться над тем, что потратила часть своих лучших лет на какого-то эгоцентричного козла, – это многое о ней говорит. Она включает поворотник и подрезает «БМВ».

– Извините, но почему вы говорите мне все это?

– Я просто развиваю свою мысль, – говорит она. – На тему «надо позволять себе чувствовать». Если бы я просто глушила себя, то, наверное, увязла бы в каких-нибудь новых бессмысленных отношениях и повторила все свои старые ошибки. У отрицательных эмоций есть свое назначение, вы понимаете?

– Конечно. – Я пытаюсь отрешиться от ее болтовни, но голос у нее такой тихий и успокаивающий, раздражающе приятный. Это словно передача в прямом эфире, которую я вынужден слушать, но втайне полагаю, что это не так уж плохо.

– Я сказала своей соседке, что не буду заводить никаких отношений минимум год, – продолжает она. – Я просто хочу найти себя – я понимаю, что это заезженная фразочка, но мне все равно. Я хочу чаще говорить «да» и делать то, чего не делала раньше, знакомиться с новыми людьми, заводить новых друзей. Все в этом духе. Вы, вероятно, считаете меня сумасшедшей, но мне просто кажется, что сейчас самое время. Я просто хочу побыть одиночкой, понимаете? Самой по себе.

Я сжимаю губы. Если бы я был в настроении поболтать, я мог бы сказать ей, насколько я ценю тот факт, что мы одинаково смотрим на вещи. В мире не так уж много девушек – особенно девушек, выглядящих так, как она, – которые не бросаются на каждого встречного мужчину, отчаянно пытаются околыцевать его, чтобы не проводить следующий Новый год, весенний отпуск или свадебный сезон в одиночестве.

– Вы сказали, что отбываете на следующей неделе? – уточняет она. – А что вы делаете до этого?

Я морщусь и на секунду задумываюсь: не использует ли она какую-нибудь реверсивную психологию или тактику «помани и откажи», чтобы подцепить меня? Я прежде видел, как девушки это делают... сначала притворяются незаинтересованными и вообще противницами любви, поскольку думают, что это заставит тебя сильнее их хотеть, а потом, когда решат, что ты схватил наживку, подсекают.

К несчастью для них, со мной такая хрень не работает.

По сути, обычно получается совершенно наоборот – меня это отвращает и сбивает с настрое. Самое худшее, что может сделать женщина, – недооценить мои мыслительные способности.

– Не волнуйтесь, я не собираюсь звать вас на свидание. Я просто чувствую себя виноватой за вашу машину, – продолжает она. – Я уверена, что у вас были какие-то планы, какие-то дела, и ужасно неприятно остаться без машины на неделю. Если вас нужно будет куда-нибудь отвезти, созвонитесь со мной. Мой номер должен быть в тех бумагах, которые дал вам коп.

Сместив свое кресло, я делаю глубокий вдох. Это самое меньшее, что она может сделать, – возить меня по всему Лос-Анджелесу, словно личный шофер; но я терпеть не могу полагаться на кого-то, особенно на какую-то цыпочку, которую я даже не знаю.

– Я справлюсь, – заверяю я.

У мамы в гараже есть старый «Mercury Sable» – сказать по правде, я понятия не имею, на ходу ли он до сих пор, но я буду держать пальцы скрещенными. Вероятно, остаток вечера я провожусь с ним, и когда удостоверюсь, что он способен ездить, то направлюсь в Пасадену, чтобы начать ремонтировать «Порше».

– Вы думаете, с вашей машиной все будет в порядке? – спрашивает она.

– Надеюсь. – Я на девяносто процентов уверен, что все будет в порядке, но узнать точно смогу только тогда, когда проведу тщательный осмотр. А до тех пор пусть чувствует себя виноватой, мне плевать.

– Это клевая машина. Мне нравится, что она такая неброская. Ее явно недооценивают, а ведь это классика, – говорит она.

Именно это я и люблю в своей машинке.

– Спасибо.

Я снова указываю направление, и мы едем в молчании добрых десять минут – новый рекорд, – прежде чем она указывает на рекламный щит над «Taco Bell».

– О, смотрите! Завтра вечером в «Минтце» играют «Panogamic Sunrise», – восклицает она, подсакивая на сиденье. – Как я могла не знать? Я их обожаю!

Я утвердительно хмыкаю. Я тоже их люблю.

– Правда? Честное слово, когда я говорю о них, люди ведут себя так, словно я разговариваю на иностранном языке. Как будто никто никогда о них не слышал.

Я не говорю ей о том, что их ведущий вокалист – кузен моего зятя, так уж получилось.

– Послушайте, нельзя ли прекратить эту светскую беседу? Ничего личного, я просто этого не люблю.

Марица поворачивается ко мне, лицо ее мрачнеет.

– А, да. Конечно. Я как раз собиралась спросить вас, не хотите ли вы пойти со мной на концерт, но...

Я, даже не задумавшись, отвечаю:

– Я занят.

– Занят... – медленно произносит Марица. Она мне не поверила, но мне все равно.

– Мне нужно чинить машину, – поясняю я свои слова – не то чтобы я должен был ей что-то доказывать.

Она сжимает руль, отодвигается к самой спинке своего кресла и смотрит вперед.

– Ладно, хорошо. Неважно.

После часа, проведенного в приятной тишине, мы наконец-то добираемся до жилого комплекса, где находится квартира моей матери. Я выхожу из «Приуса» и начинаю нагружаться пакетами из багажника. Понадобится сделать по меньшей мере три ходки вверх и вниз на два лестничных пролета. Может быть, даже четыре.

– Давайте, я помогу, – говорит Марица-официантка и тоже берет пакеты, прежде чем я успеваю сказать «нет».

Она сопровождает меня до квартиры 3-С, и когда мы заходим внутрь, я говорю, что пакеты нужно сложить на кухонный стол. Еще одна ходка – и все покупки перенесены. Но на этот раз она останавливается в дверях, сунув руки в задние карманы шорт.

Я понимаю, что она все еще в своей рабочей форме – белой блузке на пуговицах и коротких черных шортах. Формальная одежда – но не слишком формальная, в Калифорнии половина местных девиц носит такое в жару.

Подняв брови, я пожимаю плечами.

– Вам что-нибудь нужно?

– Пойдемте со мной на концерт, – предлагает она. – Я куплю вам билет.

Я хмурюсь.

– Нет. И нет.

– Почему?

– Я же сказал вам, что занят. – Я стараюсь говорить тихо. Если мама спит и проснется от звуков незнакомого женского голоса в своей квартире, то будет донимать меня бесконечно – и даже лежа на смертном одре. «Мой дом – не бордель, – заявит она насмешливо, но серьезно. – Свои «развлечения» таскай по другим местам».

– Хорошо. Просто, кроме вас, я не знаю никого, кто хотя бы слышал об этой группе. Я решила, что это может быть весело. И я чувствую себя в долгу перед вами после того, как врезалась в вашу машину.

Я делаю медленный вдох, рассматривая ее в угасающем вечернем свете.

Она хороша собой, с округлостями во всех нужных местах, с сексуальной улыбкой, шелковистыми волосами и темными глазами, которые при любом всплеске эмоций чертовски привлекательно озаряются внутренним светом... но она не из тех девушек, с которыми я хотел бы провести одну из последних ночей перед командировкой.

Во-первых, она чертовски много треплется.

И она слишком любит философствовать.

Слишком оптимистична.

Слишком самоуверенна.

Никакая красота не может искупить тот факт, что она не в моем вкусе. Даже близко не в моем.

– Вы что, решили, будто я напрашиваюсь на свидание? – Она фыркает. – Вот еще. Я даже не помню вашего имени. Кстати, не напомните?

Выдохнув, я провожу ладонью по волосам.

– Исайя.

– Верно, Исайя. – Она склоняет голову набок. – В общем, не льстите себе, потому что, если бы я даже искала парня для свиданок, вы не тот, кого бы я выбрала, так что...

– Это взаимно.

– Ничего себе. – Марица поднимает руку и поворачивается, чтобы уйти. – Ну, ладно, я... я даже не знаю, что вам еще сказать. Поздравляю. Вам удалось дважды за один день лишиться меня дара речи, и это достижение.

Слава богу.

Но уже почти выйдя за дверь, она останавливается на пороге и оборачивается ко мне.

– Знаете... я не врала, когда разговаривала с вами в машине. Сейчас я многим вещам в своей жизни говорю «да». Новым людям. Новому опыту. Может быть, вы подумали, что я вешаюсь на вас, но клянусь своей жизнью, Исайя... это не так. Я просто хотела повеселиться на концерте вечером в пятницу. – Марица пожимает плечами. – Правда, я все время забываю, что некоторым людям нравится быть унылыми задницами.

С этими словами она уходит, закрыв за собой дверь.

Я сжимаю переносицу двумя пальцами и выдыхаю.

– Кто это был? – спрашивает Калиста, моя сестра.

Черт.

Я понятия не имел, что она здесь, а сейчас мне предстоит допрос в испанской инквизиции.

Я качаю головой и начинаю распаковывать покупки.

– Никто.

Она выходит из темного коридора, ведущего в мамину комнату.

– Это не «никто», Исайя. Ты привел сюда девушку, а ведь раньше ты никогда не приводил девушек сюда. Кто она?

– Что ты здесь делаешь? – меняю я тему.

– Привезла маме обед.

– Хватило бы и просто сообщения, – отвечаю я. – Я кормил ее обедом пару часов назад.

Калиста машет рукой.

– Да ну, маме все равно не помешает набрать немного веса, от нее кожа да кости остались.

В этом я с ней полностью согласен.

– Она показалась мне милой – та девушка, – продолжает Калиста, садясь на потертый мамин диван и пальцами собирая волосы в хвост. – И она подловила тебя на вранье, это было забавно.

Я хватаю очередной пакет с покупками.

– Маме нужно помыть голову, – напоминаю я.

– Милая, красивая девушка приглашает тебя на концерт группы, которую ты любишь, а ты шарахаешься от нее, словно от прокаженной. – Моя сестра хихикает, не желая сворачивать с этой темы. – Держу пари, вы хорошо провели бы время вместе.

– Сомневаюсь.

– Я люблю тебя, но она была права. Ты унылая задница, – говорит Калиста. – Та девушка могла бы немного уравновесить тебя. Может быть, сделать тебя чуть более приятным в общении.

– Да срать я хотел на то, насколько я приятный.

Калиста встает и начинает помогать мне с продуктами. Она берет банку супа «Perreg Pot» и рассматривает этикетку.

– Да, знаю. В этом-то и есть твоя проблема.

– Можешь уже идти, – говорю я, оттесняя ее в сторону. – Если только не хочешь задержаться и помочь маме принять ванну.

– На самом деле мы закончили с этим как раз перед твоим приходом.

– Тогда порядок. Я сам тут справлюсь, а ты иди домой.

Калиста изгибает губы в понимающей ухмылке и поднимает руку, согнув пальцы, словно тигриные когти.

– И кто сегодня насрал тебе в кашу?

– А, не знаю. Может быть, эта милая девушка, которая раздолбала зад моего «Порше».

Сестра прикрывает ладонью рот, борясь со смехом.

– Значит, она именно поэтому подвезла тебя до дома?

– Угу.

Калиста пожимает плечами.

– Что ж, я все равно считаю, что она выглядит круто.

На ее телефоне всплывает сообщение, Калиста пролистывает его со скоростью света, потом хватается за сумочку с ближайшего шкафа-тумбочки. Должно быть, одному из ее детей что-то нужно. Или ее мужу. Я представить себе не могу, каково это – когда в тебе кто-то постоянно нуждается.

Одна мысль об этом заставляет меня ощутить удушье, а я всю свою жизнь боролся за то, чтобы просто дышать.

– Ладно, похоже, твое желание сейчас исполнится, и я перестану приседать тебе на уши, – говорит Калиста, засовывая телефон в сумку.

Я прощаюсь с нею взмахом руки и ставлю последнюю банку с кукурузой без ГМО на полку.

– Напиши, если что-то будет нужно, – говорит она по пути к двери. Потом останавливается. – И, Исая...

Я поднимаю взгляд, и наши глаза встречаются.

– Да?

– Не будь унылой задницей и сходи на этот долбаный концерт.

Глава 3. Марица

– Следующий, – говорит женщина в окошке выдачи предварительно заказанных билетов концертного зала «Минтц», и эти слова сулят мне чудесный вечер пятницы. – Ваше имя?

– Марица Клейборн, – отвечаю я, доставая свое удостоверение и просовывая в окошко.

Женщина – на ее руках вытатуированы изображения голых красоток, а волосы, подстриженные под каре с челкой, окрашены в роскошный лавандовый цвет, – смотрит на мои водительские права и начинает рыться в стопке билетов, лежащей слева от нее.

Минуту спустя она хмурится, словно не найдя моего билета.

Но я покупала его вчера через Интернет – он должен быть здесь.

– Мне приходило подтверждение по электронной почте, могу показать, – говорю я, копаясь в своей бездонной винтажной сумке в поисках телефона. Сумку мне подарила мама перед тем, как они с отцом переехали в прошлом году в Нью-Йорк, потому что, похоже, свихнулись и устали от жаркого солнца. Мое дыхание учащается. Если я не увижу выступление «Panoramic Sunrise», я буду плакать – а ведь я не плакса.

– Нашла. – Женщина берет пластиковый бейджик на широком шнурке. – Он был в ВИП-стопке.

Моя челюсть отвисает сама по себе, и я плотно стискиваю зубы. Я не покупала ВИП-билет. Они стоят по пятьсот баксов – это за место в отдельном секторе зала перед сценой, отдельный бар, возможность пройти за кулисы, чтобы лично приветствовать музыкантов, а также шанс выпить с ними пива после закрытия бара.

Я покупала билет общего доступа за семьдесят пять долларов.

Я знаю, что это так...

– Вот, возьмите. – Женщина протягивает мне в окошко бейджик вместе с моим водительским удостоверением, улыбается и смотрит поверх моего плеча. – Следующий!

Я хватаю шнурок и надеваю на шею, пока никто не успел заявить, что это большая ошибка, и отобрать его у меня. Пробираясь ко входу на контроль, я ожидаю, что в любую секунду эта ошибка разъяснится, но билетер просто сканирует мой бейдж и взмахом руки указывает мне на менее многолюдную часть зала, предназначенную для ВИПов. Войдя, я нахожу место за пустым столиком на двоих в каких-то шести футах от сцены.

Мой пульс ускоряется, я не могу удержаться от глупой улыбки, когда вижу стоящие на сцене гитары и микрофоны. «Panoramic Sunrise» – мой наркотик. Он успокаивает, расслабляет, наполняет меня одновременно уютом и энергией. Их негромкие мелодии – инди-рок, фолк-рок, называйте, как хотите, – резонируют с самыми глубинными областями моей души, и я не могу объяснить или даже полностью понять этого. К тому же ведущий вокалист похож на Адама Левина, только еще горячее, так что...

– Вам принести что-нибудь выпить? – Симпатичная официантка с высоким «конским хвостом» и оранжево-красной помадой подходит к моему столику. – Коктейль?

– Наверное, амаретто с кока-колой. Спасибо.

Они всегда начинают выступление со своего лучшего хита, «Flipside», и это моя самая любимая песня в мире. Местами она грустная, местами веселая, но в основном скорбная и ироничная.

– Это место занято? – спрашивает какой-то мужчина, останавливаясь позади меня.

Я оглядываюсь через плечо на голос, но к тому времени, как я фокусирую взгляд на этом точеном лице, он уже усаживается рядом со мной.

– Опять вы, – говорю я, выпрямляясь.

Исайя Торрес держит за горлышко бутылку пива «Корона».

– Вот это благодарность за ВИП-билет, – отвечает он, делая глоток пенного напитка и пристально глядя на меня.

Я склоняю голову набок, пытаюсь осмыслить это. Пару минут назад я убедила себя, что вся эта штука с ВИП-местом была результатом некоей удачной ошибки.

– Откуда вы узнали, что я буду здесь сегодня вечером? – спрашиваю я.

– Догадался, – отвечает он. – К тому же я знаю людей, которые знают людей, которые могут кое-что разузнать.

Возвращается официантка с моим коктейлем, и я протягиваю ей карточку, чтобы открыть счет, потом снова перевожу взгляд на Исайю.

– Ну, хорошо. Спасибо вам за это, – говорю я ему, сжимая шнурок, висящий у меня на шее. Соскользнув с высокого стула, я высматриваю место перед сценой, потому что группа разогрева уже начинает занимать свои места.

– Куда вы? – спрашивает он.

– Я собираюсь насладиться концертом. Именно за этим я пришла.

Я оставляю его за столиком на двоих. На сегодняшний вечер моя цель – развлекаться и расслабляться. Если он считает, будто я забуду о его вчерашней грубости и наглости только потому, что он сделал мне доброе дело, значит, он явно что-то не то курит.

Уголкем глаза я замечаю, что он за мной наблюдает.

Я не понимаю его, но в этом нет ничего страшного, потому что на самом деле мне и не нужно его понимать.

* * *

Три часа спустя в зале зажигается свет, и какой-то мускулистый тип ростом не менее шести футов семи дюймов, одетый в черную футболку, подходит с другой стороны к бархатному шнуру ограждения и говорит, что владельцы ВИП-билетов могут последовать за ним.

Выходя в коридор вместе с пятью десятками других людей, я каким-то образом оказываюсь в самом начале очереди и жду прямо у гримерки. Сердце мое стучит, как барабан, дыхание сбивается с ритма.

Со времен старшей школы я видела их на концертах не менее дюжины раз, но никогда не встречалась с ними лично, настолько близко. Я даже не знаю, что сказать, я боюсь, что начну просто восторженно булькать, не в силах выговорить осмысленную фразу. Но как только дверь открывается и пожилой мужчина с седыми волосами выходит в коридор и смотрит на меня, я откашливаюсь и выпрямляюсь.

– Вы первая? – Он указывает на меня, в его выговоре звучит восточноамериканский акцент.

Я сглатываю комок в горле и киваю, молча напоминая себе о том, что нужно быть уверенной в себе и не нервничать.

– Приготовьте телефон, если хотите сделать фотографии. – Мужчина распахивает дверь. – У вас одна минута. Отсчет пошел.

Кейз Мальбек, Лэндон Спенсер, Киеко Айоси, Алек Бастион.

Я знаю все их имена. Дни рождения. Историю жизни – из «Википедии». Я видела все документальные фильмы, все музыкальные клипы, все интервью.

И вот они здесь, во плоти, сидят передо мной.

Здесь же присутствуют еще несколько человек: гримеры, сопровождающие, техническая группа...

Но я вижу только их.

Кейз, ведущий вокалист, сидит без рубашки. На плечи его наброшено белое полотенце. Он улыбается, когда видит меня, и хотя я уверена, что он улыбается всем своим поклонникам, его взгляд пронзает меня насквозь, он как будто с любопытством изучает меня.

– Я – Кейз, – представляется он, потом протягивает руку и кладет мне на плечо, словно мы с ним старые приятели, знакомые давным-давно. Остальная группа привычно занимает места для фотографирования вокруг нас. – А вы?

– Марица, – выговариваю я, гордая тем, что мой голос не дрожит, не срывается и не прерывается.

Кейз берет у меня из рук телефон.

– Исая, ты нас не снимешь?

Подняв взгляд, я вижу, как Исая Торрес забирает у Кейза Мальбека мой телефон и направляет камеру на нас. Я выдавливаю улыбку, мысли мои несутся со скоростью миллион миль в минуту, когда я пытаюсь понять происходящее.

– Вы знакомы? – спрашиваю я сразу же после щелчка встроенной в телефон камеры, указывая сначала на одного, потом на другого.

Исая отдает мне телефон.

– Угу.

– Ты не говорил мне, что знаешь их, – заявляю я.

– А ты не спрашивала. – Исая упирает руки в бедра, нависая надо мной.

– Это та девушка? – спрашивает Кейз.

– Какая девушка? – Я с прищуром смотрю на Исая. Кейз ухмыляется.

– Он позвонил мне сегодня утром и спросил, нельзя ли сделать ВИП-бейджик для некой девушки.

Все происходит так быстро, что даже трудно осознать.

– Ваше время вышло, – говорит седовласый распорядитель, кивком указывая мне на дверь.

– Приятель, все в порядке, – говорит Кейз, – она может остаться с нами еще на полминуты.

Распорядитель прижимает подбородок к груди.

– Ты видел очередь за дверью? Она тянется на весь коридор и еще на половину другого. Извини, Кейз, но нам нужно уехать отсюда к двум часам ночи. Не я устанавливаю эти правила.

Он поворачивается, выкрикивает:

– Следующий! – И группа хихикающих девиц проталкивается в помещение, и без того набитое битком. – Когда закончите, просто выходите в бар. Вся группа будет там примерно через час. Каждому из вас зарезервировано одно пиво. Одно.

Меня выпроваживают из примерки, голова у меня идет кругом, и я направляюсь в бар, чтобы занять место. Я никогда не была особой любительницей пива, но будь я проклята, если упущу возможность выпить с Кейзом Мальбеком.

Пока я жду, бармен передает мне стакан воды со льдом, уборщица шаркает по полу широким веником, замечая следы сегодняшнего шоу. Я сижу в тихом, ярко освещенном баре, вертя в пальцах картонный подстаканник и одновременно листая свой телефон.

Несколько минут спустя тишину нарушает скрип барной табуретки по бетонному полу – совсем рядом со мной.

– Я еще не успел извиниться за вчерашнее.

Это Исая. В миллионный раз.

– Тебе удалось починить свой «Порше»? – спрашиваю я. Он хмурит брови.

– Да, а что?

Я повожу плечом.

– Это объясняет, почему ты сегодня такой добрый.

– При всем уважении, ты меня не знаешь. – Он выпячивает челюсть и садится прямее.

– И слава богу, – отвечаю я. – Может быть, я и не знаю тебя, зато знаю, что вчера тебе ничто не мешало грубить совершенно постороннему человеку – не один раз, а целых два! – и это многое о тебе говорит. Так что да, спасибо за билет, но твои извинения мне не нужны, потому что они не изменят тот факт, что ты – унылая задница.

Лицо у меня немеет – то ли от потрясения, то ли от неверия в происходящее. Я никогда прежде ни на кого так не набрасывалась, но я не могла не высказать это вслух. Он должен был это услышать. Подобным людям полезно выслушивать такие слова.

– Боже. – Он выдыхает. – Ты... э-э... ты такая привлекательная, когда злишься.

– А это уже оскорбление.

– Оскорбление? – Он отшатывается назад, пряча улыбку.

– Да. Я пытаюсь говорить с тобой, как с человеком, а ты не воспринимаешь меня всерьез.

И вдобавок смеешься надо мной.

Он сжимает губы, словно подавляя еще одну улыбку, и мне вдруг хочется дать ему пощечину, хотя я никогда прежде такого не делала.

– Извини, – говорит он. – Просто тяжело: когда ты пытаешься злиться на меня, а я могу думать только о том, какая ты сексуальная, когда злишься.

У меня опять отвисает челюсть.

В последние пять минут мы явно свернули куда-то не туда.

Или он под какими-то веществами.

Да. Алкоголь. Должно быть, его устами вещает алкоголь.

– Тебе еще не надоело быть всегда таким? – спрашиваю я его. – Таким... озабоченным?

– А тебе не надоест постоянно быть такой идеальной? – передразнивает он. – Ты явно никогда не делала ничего неправильного, у тебя в жизни не было ни одного хренового дня, потому что иначе ты не спешила бы вот так ставить людям диагнозы.

– Я не идеальная, Исая. Я – хорошая. Есть разница. Я отношусь к людям так, как хочу, чтобы они относились ко мне. – Я встаю, направляю палец прямо ему в лицо, и хотя изо всех сил стараюсь не повышать голос, однако ничего не могу с собой поделать. Кровь у меня кипит, кожа горит, ладони зудят от желания врезать по его невероятно красивому лицу. – Лучше я буду доброй, чем таким долбаным уродом, как ты.

На миг я лишаюсь рассудка.

Я просто хочу, чтобы он убрался из моего личного пространства.

Я полностью теряю контроль над собой и делаю то, чего не делала никогда в жизни.

Открыв глаза, удостоверяюсь, что действительно выплеснула воду со льдом ему в лицо.

Ого!

У нас обоих на лицах одинаково потрясенное выражение, вдобавок у Исая такой вид, словно он вот-вот разразится ругательствами в мой адрес, но тут над нами раздается громовой мужской голос:

– Прекратить!

Мы оба оборачиваемся и видим того громилу в черной футболке; сейчас он стоит над нами, сложив руки на своей бочкообразной груди, и смотрит на нас сверху вниз, морща крючковатый нос.

– Вы нарушаете порядок, – заявляет он, указывая мясистым пальцем на дверь. Мышцы так грозно выпирают из-под футболки с надписью «Охрана», что мне и в голову не приходит усомниться в его власти. – Убирайтесь отсюда.

Мы с Исией переглядываемся. Несмотря на его промокшую футболку, испорченную прическу и тот факт, что мне все еще хочется врезать ему по наглой морде, он по-прежнему раздражающе красив.

– Все в порядке, – говорит он охраннику. – Она просто немного погорячилась. Но сейчас мы успокоились. Правда, Марица?

– Да, мы уже остыли, – подтверждаю я, заставив мой голос звучать ровно, хотя меня бьет дрожь от последствий адреналинового выброса.

Однако выражение лица охранника остается таким же непреклонно-мрачным, и он, шагая позади, направляет нас к выходу.

– Нас что, действительно выгоняют? – спрашиваю я.

Гигант не отвечает. Исайя тоже молчит. Надеюсь, он сможет задействовать свои связи, чтобы нас пропустили обратно... но, опять же, он мне ничего не должен, и к тому же мы сейчас не в самых лучших отношениях.

Едва мы переступаем порог, как дверь за нами со стуком захлопывается. Исайя для проверки нажимает на ручку – но тщетно. Заперто.

– Надеюсь, оно того стоило, – бормочет он себе под нос. Потом достает из кармана телефон, звонит кому-то, затем набирает сообщение и убирает телефон обратно.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Пытаюсь добиться, чтобы нас пропустили обратно, но Кейз не отвечает. – Он проводит рукой по волосам, а потом устремляет взгляд на светофор вдали. – Должно быть, оставил где-то свой телефон. Круто. Ну просто охренеть, как круто.

– Откуда мне было знать, что нас выпрут оттуда только за то, что я назвала тебя уродом? Что за допотопные правила?

– Ты не просто назвала меня уродом. Ты кричала, тыкала пальцем мне в лицо, а потом облила меня водой. Конфликт явно нарастал. Они сделали то, что должны были сделать, пока ситуация не вышла из-под контроля.

Я качаю головой – в адрес его, всей ситуации и себя самой – и начинаю рыться в своей сумке, чтобы найти телефон, вызвать такси и убраться отсюда ко всем чертям.

Вот только не могу нащупать ни стеклянный экран, ни гладкий пластиковый чехол.

Выйдя под свет уличного фонаря, я закапываюсь в сумку еще глубже, нахожу свой бумажник, кучу бальзамов для губ и пробников туалетной воды – но телефона нет.

– Черт. Я оставила там свой телефон. – Я поднимаюсь на носочки и смотрю на темные окна «Минтца», на табличку «Закрывается» на двери. Потом начинаю стучать в стекло, выжидаю несколько секунд, стучу снова. И снова. И снова. Меня либо игнорируют, либо не слышат.

Исайя стоит в стороне, молчаливый и равнодушный.

Я уверена, что он точно так же не хочет подвозить меня до дома, как я не желаю просить его об этом, но так вышло, что я застряла здесь.

– Ты можешь вызвонить кого-нибудь? – спрашивает он, зевая. Я выдыхаю и качаю головой.

– Я не помню ничьих номеров.

– Seriously?

Я машу рукой в его сторону.

– Да к тому же сейчас никто за мной и не поехал бы.

Порывшись в кармане, он достает связку ключей и покачивает ими в пальцах.

– Я отвезу тебя домой.

Я поднимаю брови, широко раскрыв глаза.

– Ты уверен? Я живу в часе езды отсюда. А ты живешь в часе езды от меня. Ты попадешь домой только после трех часов ночи.

– Я не могу оставить тебя здесь без телефона и машины, – говорит он. Мимо нас проносится желтое такси, и мы оба провожаем его взглядами. – Даже не думай, с тебя сдерут круглую сумму за то, чтобы доехать отсюда на такси. Идем.

Он смотрит направо-налево, потом перебегает дорогу, и я следую за ним, отстав всего на пару шагов.

– А как же мой телефон? – спрашиваю я.

– Я напишу Кейзу, может быть, он пошлет кого-нибудь поискать его.

Его помятый белый «Порше» стоит на парковке среди куда более крутых машин, однако, с моей точки зрения, он ничем не хуже их. Под мягким светом луны, царящей в беззвездном небе, мы выезжаем на дорогу. Окна открыты, из старых колонок негромко играет музыка. Откинувшись на спинку потертого, но мягкого кожаного кресла, я решаю, что он, может быть – всего лишь может быть, – не такой уж плохой.

Глава 4. Исайя

– Не хочу, чтобы ты подумал что-то не то. И я по-прежнему считаю тебя унылой задницей, – говорит она, перегибаясь через меня и набирая код на воротах обширной усадьбы в Brentwude. Цитрусовый запах ее духов смешивается со сладкой терпкостью спиртного, наполняя мои легкие даже тогда, когда она выпрямляется. Ворота распахиваются, и я нажимаю на газ. – Но ты всю дорогу сюда зевал каждые пять минут, и моя совесть будет неспокойна, если я позволю тебе еще час ехать до дома. Сегодня ты будешь ночевать у меня на диване.

– Нет.

– Да. – Она указывает налево. – Вон там гостевой дом. Можешь припарковаться перед ним.

Миновав круговую подъездную аллею и булькающий фонтан и обогнув роскошный особняк-асьенду, я замечаю уменьшенную копию главного здания, размещенную рядом с бассейном. Бирюзовая вода сияет подсветкой, точно рождественская елка – только потому, что это красиво, и ни по какой иной причине. Судя по первому впечатлению, тут проживает какой-то богатый любитель роскоши.

Я понятия не имею, как официантка из кафе может позволить себе жить в гостевом доме рядом с таким особняком, но я видел в Лос-Анджелесе и не такие безумные вещи, к тому же, будем честны, это не мое собачье дело.

Пока она выбирается наружу, я жду, не выключая мотор, но когда она понимает, что я не следую за ней, то наклоняется, просовывает голову в окошко и выдергивает мои ключи из замка зажигания.

– Идем, – говорит она, не оставляя мне выбора.

Глаза у меня слипаются, и прохладная подушка сейчас представляется мне райским наслаждением, так что я сдаюсь и следую за ней в дом.

Там темно, шторы задернуты. Слабый свет пробивается из кухни в прихожую и гостиную, как будто кто-то оставил освещение в ванной невыключенным, но я сначала различаю лишь смутные контуры предметов, пока мои глаза не привыкают к полутьме.

– Вон там диван, – говорит Марица, указывая в сторону гостиной, пока я скидываю обувь. – Я принесу тебе подушку и одеяло.

Тихое позвякивание и перестук когтей по деревянному полу возвещает о появлении какого-то мелкого шерстяного существа, трусящего в мою сторону.

– А, это Мерфи. Пес моей соседки, – сообщает Марица.

Я смотрю на маленького мопса с плоской мордочкой инопланетянина и круглыми, точно блюдца, глазами. Он пыхтит, склонив голову набок, словно не понимает, почему я не беру его на руки.

– Идем, Мерф. Возвращайся в комнату Мелроуз. – Она наклоняется, хватая мопса под мышку, потом говорит мне, что сейчас вернется, и я слышу, как она открывает и закрывает двери дальше по коридору.

Я сажусь и провожу ладонями по чему-то похожему на бархат. Тиканье часов в другой комнате эхом разносится по тихому темному помещению. Несколько минут спустя Марица возвращается, неся сложенное одеяло, поверх которого белеет подушка.

– Спасибо. – Я забираю их у нее и начинаю превращать диван в импровизированную кровать. Мне нужно всего лишь несколько часов сна, а потом я исчезну из ее жизни еще до восхода солнца.

Марица уходит в кухню, открывает холодильник и достает две бутылки воды. Только тогда я замечаю, что она одета в короткий, почти прозрачный топик и соответствующие шорты. Должно быть, переделалась, пока добывала для меня постельные принадлежности. Понятия не

имею, как я упустил это, но сейчас я не могу оторвать взгляда от ее длинных ног, изгиба ее бедер и идеальной груди, обтянутой топиком.

Я стращиваю с себя это наваждение, когда она возвращается и протягивает мне бутылку холодной воды.

Забавно... час назад она обзывала меня и выплеснула мне в лицо воду, а теперь старается с комфортом разместить меня и удостовериться, что я доберусь домой без приключений.

– Почему ты так заботишься обо мне? – спрашиваю я.

– Не пойми меня неправильно. Подушка и одеяло – для того, чтобы ты не капал слюнями на мой бархатный диван, а вода – чтобы ты не будил меня посреди ночи, шарахаясь по моей кухне из-за того, что тебе захотелось пить.

– Спасибо, – говорю я, молча отмечая, что мы в расчете. Я заслужил это.

– Извини за твою футболку, – секунду спустя добавляет она. – Тебе принести другую?

Я качаю головой.

– Она уже высохла.

Мои глаза привыкли к темноте настолько, что я вижу: бархатная обивка дивана, на котором мне предстоит спать, яркого цвета, похоже, изумрудно-зеленого. За свою жизнь я спал много где: в автобусах, в самолетах, в палатках, на полу... но никогда – на изумрудно-зеленом бархатном диване у совершенно посторонней женщины, которая принесла мне блинчики в кафе, врезалась в мою машину... а потом выплеснула мне в лицо воду. И это после того, как я щедро обеспечил ей VIP-билет на выступление ее любимой группы.

– Еще раз спасибо за билет, – говорит она, уперев ладонь в бедро. Краешек ее топики задирается, открывая кусочек нежной кожи. – Я хорошо провела время. Учитывая все, что было...

Я фыркаю.

– Учитывая все, что было – в том числе и меня?

Марица закатывает глаза.

– В основном.

– Ты все еще злишься на меня?

– Я не могу злиться на тебя, Исая. Я тебя не знаю. – Она склоняет голову набок, темные волосы свешиваются ей на щеку.

В глубине души я гадаю, что было бы, если бы этот вечер прошел по-другому, и она не набросилась бы на меня. Может быть, я неправильно ее понял. Я думал, что она вся из себя такая заученно-милая, позитивно настроенная, но оказалось, что в ней есть больше, чем кажется на первый взгляд.

Не говоря уже о том, что лучший секс в моей жизни был с девушкой, которая ненавидела меня от всего сердца.

К слову об огне и льде.

– Почему ты на меня так смотришь? – спрашивает она, меняя позу и поправляя съехавшую ляжку топики на левом плече.

Я не отвечаю, просто пожимаю плечами. Что я должен ей сказать? Я смотрю на нее потому, что она стоит тут в полупрозрачной пижаме, а я – мужчина с горячей кровью, которого почему-то заводит тот факт, что она меня не хочет?

Марица закатывает глаза.

– О чем ты думаешь?

– Ты не хочешь этого знать. – Я перевожу дыхание, и мой взгляд на долю секунды падает на ее полные губы. Но на самом деле я забрасываю наживку. Скажи девушке, будто она не хочет знать, о чем ты думаешь, и она только сильнее захочет это узнать.

Реверсивная психология.

– А ты попробуй. – Она склоняет голову набок, и я решаю, что это невероятно привлекательно.

Да. Эта девушка сексуальна, надо отдать ей должное. Когда я впервые увидел ее в кафе позавчера, я молча отметил ее великолепную внешность, все изгибы ее тела и те взгляды, которые она на меня кидала. Но перебросившись с нею парой фраз, я понял, что она не из тех девушек, на которых я могу запасть, поэтому выкинул эту мысль из головы.

Но это... это приятный поворот в нашей странной маленькой истории.

Сложив пальцы домиком, я выдыхаю сквозь них и смотрю ей в глаза.

– Я думал о том, что будь ты другой девушкой, которая не стала бы так откровенно показывать, что презирает меня, я уже поцеловал бы тебя.

Между нами повисает почти осязаемое молчание, потом она сглатывает, откашливается и отводит глаза. Прикрыв ладонью горло, она смотрит на коврик, лежащий на полу между нами.

– Послушай, я не хотел, чтобы ты из-за меня чувствовала себя неуютно в собственном доме, – продолжаю я, упирая локти в колени. – Так что, видимо... спокойной ночи.

Она не уходит, не шевелит ни единой мышцей.

– Я не презираю тебя, Исая, – говорит она дрогнувшим голосом. – На самом деле я уже думала о том, что... возможно, ошиблась в тебе.

Сейчас мое внимание полностью приковано к ней. Если она вкладывает в слова тот смысл, который я в них слышу... похоже, у меня появился шанс.

– Забавно. – Уголки ее губ на секунду приподнимаются, потом она опускает голову и смотрит в сторону. – Сегодня вечером был момент, когда я не думала о том, чтобы дать тебе пощечину, а вместо этого гадала, каково было бы тебя поцеловать.

Я ухмыляюсь, как лев, который увидел добычу в пределах досягаемости.

– Держу пари, что так и было.

– Что ты имеешь в виду?

– Я чувствовал, что ты весь вечер стараешься как-то это скомпенсировать, – говорю я, пожимая плечами.

– Скомпенсировать что?

– Тот невыносимый для тебя факт, что тебя изо всех сил тянет ко мне.

– Ты настолько самодовольный?

– Нет. Просто наблюдательный.

– Как бы то ни было, ты прав. Меня тянет к тебе, но ты невыносим. – Она скрещивает руки на груди.

Я встаю, медленно и осторожно подхожу к ней, протягиваю руку и прикладываю ладонь к ее щеке и подбородку. Затем наклоняю ее голову так, чтобы ее губы оказались в идеальном для поцелуев положении.

– Так, если не считать всего случившегося, ты хочешь это узнать? Или предпочтешь гадать всю оставшуюся жизнь?

Она изгибает вишневые губы и выдыхает через нос.

– Ты меня бесишь, – говорит она, глядя мне в глаза. – Но в то же время... ты меня заводишь. Поэтому сейчас мне очень трудно уйти от тебя.

– Тогда не уходи. – Я наматываю на палец локон ее темных волос, потом отпускаю, и прядь мягко падает ей на плечо.

Идеальные зубы Марицы на миг прихватывают ее нижнюю губу, она делает медленный вдох, точно без слов объявляя капитуляцию.

– Кстати, чтоб ты знал, секс с тобой для меня абсолютно ничего не значит, – говорит она, склонив голову набок и игриво глядя на меня.

– Так и должно быть.

– И это на один раз. – Она поднимает наманикюренный палец.

– Идеально.

Сделав судорожный вдох, она подается навстречу моим губам, выжидательно... почти нерешительно, словно я – огонь, о который она может обжечься. Если не будет осторожна.

Умная девушка.

Я опускаю руки ей на талию, привлекаю ее к себе и впиваюсь в ее полные губы, чувствуя, как ее тело прижимается к моему.

Мне говорили, что я оказываю на людей такой эффект – я могу заставить их любить меня или ненавидеть. Иногда то и другое одновременно. Это благословение и проклятие, но по большей части благословение – при выгодном раскладе. В большинстве случаев я могу применить это с пользой.

Вкус зубной пасты на ее языке смешивается со сладким привкусом ликера, который она пила весь вечер, а когда ее руки касаются моего затылка и ее ногти скользят по коже моей головы, мой член напрягается, становясь все тверже с каждым движением наших сомкнутых губ.

Сдвинув ладони ниже, я поднимаю ее, и ее длинные ноги обвивают мои бедра, когда я несу ее к дивану и опускаюсь на него, так, что она оказывается у меня на коленях.

Ее губы прижимаются к моему подбородку, запечатлевая на моей коже жаркие поцелуи, потом смещаются ниже, на шею и к правому плечу, ее ногти впиваются в мое тело. Марица покачивает бедрами, трется о мой член, и возбуждение становится почти болезненным.

Ухватившись за свободную кайму ее топики, я сдираю его с нее через голову и охватываю ладонями две самые идеальные груди, какие я только видел за свою жизнь. Я катаю один из розовых сосков между подушечками большого и указательного пальцев, потом опускаю голову и охватываю его губами.

Марица откидывает голову назад, медленно и целеустремленно подставляя тело моим ласкам. Когда она выпрямляется и встречается со мной взглядом, то тянется к подолу моей футболки и стаскивает ее с меня, а потом ведет ладонями по моей груди и животу, ее пальцы прослеживают выпуклости и углубления каждой мышцы.

– Ты такой... твердый, – говорит она, наклоняясь вперед и отводя пальцем татуировку над моим сердцем. – А что она значит?

– Ничего, – отвечаю я, запуская пальцы под пояс ее шортиков. – Она ничего не значит.

Стянув их на бедра и вдохнув запах ее возбуждения, я меняюсь с нею местами, уложив ее на диван, достаю из бумажника презерватив и расстегиваю джинсы.

– Фигассе, – говорит она, когда видит мое «орудие».

Я гордо ухмыляюсь. Такая реакция никогда не надоедает, сколько бы раз я ее ни видел.

Сев прямо, Марица обхватывает мой член ладонью и начинает двигать рукой туда-сюда, пытаюсь сомкнуть на нем мягкие пальцы. Потом тянется к нему губами и забирает в рот столько, сколько может вместить, ее язык обводит кончик члена, потом начинает выписывать спирали под головкой.

Она наслаждается происходящим и не спешит, как некоторые другие девушки.

Ее это возбуждает, время от времени она стонет и делает паузы, чтобы поднять на меня взгляд, игриво вытирает уголок рта и позволяет мне взглянуть, как она сглатывает мой предэякулят, и возвращается за новой порцией.

Зажав в кулаке ее шелковистые волосы, я ввожу член еще глубже в ее рот, пока не ощущаю тугую тяжесть, которую изо всех сил стараюсь игнорировать.

– Твоя очередь, – говорю я, опускаясь между ее бедрами. Она шире разводит ноги и забрасывает их мне на плечи.

Проведя пальцем по ее промежности, я щекочу клитор и пускаю в ход язык. Я наслаждаюсь ее сладким вкусом, мой член пульсирует в такт ее стонам, вздохам и судорожным движениям бедер.

Достаточно возбудившись, она тянется ко мне, заставляет лечь поверх нее и целовывает с моих губ свой собственный вкус.

Схватив золотистый фольгированный пакетик, лежащий на диване рядом с нами, я надеваю презерватив, потом снова запускаю пальцы между шелковистыми складками ее кожи.

– На колени, – говорю я, помогая ей принять нужное положение и наслаждаясь видом ее идеальных округлых ягодиц.

Проводя кончиком члена вдоль ее скользкой промежности, я распаляю ее еще больше, прежде чем одним резким движением войти в нее. Она ахает, и я обхватываю ее руками, привлекая ближе к себе, в то время как мои бедра движутся все сильнее и быстрее, ища идеальный ритм.

Обхватив ладонями ее груди и заполнив ее до предела, я зажимаюсь и растворяюсь в этом мгновении, наслаждаясь тем, как ее тело прижимается к моему и повинуется каждому моему безмолвному приказу. Мы словно бы наконец-то говорим на одном и том же языке, даже если этот язык состоит из беззвучных вскриков и едва слышных матерных слов, которые звучат, как комплименты.

– Не останавливайся, – молит она, заводя руки назад и хватая меня за волосы.

Смахнув в сторону ее темную гриву, я целую боковую часть ее шеи.

– Не остановлюсь.

Я могу заниматься этим всю ночь напролет.

* * *

Мой телефон вибрирует, вырывая меня из глубокого сна, спровоцированного сексуальным изнеможением. Нагое тело Марицы лежит поверх меня, в гостиной все еще темно, хотя сквозь шторы проглядывает слабый намек на близящийся рассвет.

Аккуратно сдвинув ее вбок, я выскользываю из-под нее и прикрываю ее одеялом, которое мы делили в последние несколько часов. Я влезаю в джинсы, застегиваю молнию и обшариваю комнату взглядом в поисках своей футболки.

– Сколько времени? – нарушает тишину сонный голос Марицы. – Ты чего подорвался?

– Мне нужно идти, – говорю я, вкладывая в голос извиняющиеся интонации – однако они искренние. Секс с Марицей был великолепен. Реально великолепен. Настолько, что мне хочется нарушить свое правило «разок – и хватит» и пойти на второй заход, но маме нужна утренняя порция лекарств и кофе, и если я задержусь слишком надолго, Марица, возможно, предложит мне завтрак, а я не хочу всей этой рутины «наутро после секса». Я сыт этим на всю оставшуюся жизнь.

– Ты уезжаешь на следующей неделе, да? – Она садится и отбрасывает темные волосы с лица.

– Угу.

– А что ты делаешь до тех пор?

Я замечаю свою футболку, висящую на спинке кресла, и натягиваю через голову, пытаюсь выиграть время и придумать наилучший способ намекнуть, что продолжения не будет.

– Нам нужно погулять вместе. – Она садится и протягивает руку к лампе, щелкнув выключателем. Мягкий свет озаряет комнату, и Марица предупреждающе поднимает руку. – Прежде чем ты сделаешь выводы – я не имею в виду погулять *так*. И я предлагаю это не из-за того, что было ночью. Я просто хочу сказать... с тобой мне было весело. И тебе тоже следовало бы повеселиться перед отъездом. Можно... ну, я не знаю... устроить неделю суббот, что ли.

– Неделю суббот?

– Да. Неделю, когда мы будем каждый день проводить так, словно это суббота, и можно гулять по городу и делать всякие веселые глупости. Никаких свиданий. Никакой романтики. Просто как двое... если можно так сказать, друзей.

Я ухмыляюсь, заправляя футболку в джинсы.

– Не знаю.

Довольно трудно дружить с женщиной и еще труднее – дружить с женщиной, которую ты трахал.

Марица встает, заворачивается в одеяло, скрывая наготу, и идет ко мне.

– Я не хочу ходить с тобой на свидания, Исая, если ты этого боишься. Во-первых, ты не мой тип парня, а во-вторых, мне действительно очень нравится быть одной.

Я сую телефон и ключи в карман и смотрю на дверь.

– Так что скажешь? – настаивает она. – Одна неделя. Никакой романтики. Никакой лжи, вранья и игр. Просто два человека, которые гуляют и веселятся.

Должен признать, в постели она – просто бомба, и, может быть, «повеселиться» с ней вот так еще несколько раз до отъезда было бы лучше, чем клеить каких-нибудь развязных торопливых девиц в спортбаре поблизости от маминого дома, но я не знаю...

Как только ты с кем-то несколько раз переспал и узнал его получше, многое меняется, и иногда ты не можешь повлиять на то, как оно меняется – к лучшему или к худшему, к сложному или вообще к чему-то такому, от чего ты потом будешь оправляться всю свою жизнь.

Я склоняюсь к выводу, что из подобных вещей вряд ли может получиться что-то хорошее. Вдруг у кого-то из нас это чувство станет настоящим, а потом болезненным – и вряд ли это буду я.

– Не знаю, насколько это хорошая идея, – говорю я.

Лицо ее непреклонно.

– Я не принимаю ответа «нет».

Я вздыхаю. Я просто хочу убраться отсюда, как-то провести остаток недели и улететь ко всем чертям туда, где мне надлежит быть.

– Я могу на эту неделю найти себе замену, – говорит она, подходя ближе и запахиваясь в одеяло так туго, что грудь едва не переваливается через край. Это молчаливая взятка, я чертовски хорошо знаю такие трюки. – Давай, будет весело.

– Никакой романтики или свиданий? – уточняю я.

– Никакой. – Она чертит на груди крест.

– Никакой лжи или игр? – спрашиваю я.

Поверить не могу, что я вообще размышляю об этом. Должно быть, дело в ее глазах – огромных карих глазах. Она заманивает меня, накладывает какое-то заклятье или что-то вроде того. Не знаю. По какой-то причине я чувствую себя почти беспомощным перед нею. Или, может быть, это всего лишь любопытство и отходняк после потрясающего секса, который заставляет меня желать чего-то еще.

– По нулям. – Уголки ее полных губ приподнимаются, словно у девочки, которая знает, что сейчас добьется того, чего хочет.

Проведя рукой по своим взлохмаченным волосам, я выдыхаю и смотрю ей в глаза.

– Отлично.

Это первый раз за последние десять лет, когда я капитулирую перед женщиной, когда я отпускаю контроль над ситуацией, хотя каждый мой нерв кричит о том, что нужно уйти, сказать «нет», пока еще можно, пока не настал полный хаос.

Она обнимает меня за плечи, подпрыгивает и прижимается ко мне.

– Поезжай домой и поспи. Суббота номер один будет завтра.

Я лишь надеюсь, что не пожалею об этом.

И надеюсь, что она тоже не пожалеет.

Глава 5. Марица

Суббота № 1

– Никогда не осознавала, насколько маленькая Майли Сайрус, – говорю я в воскресное утро, подводя Исайю к ее восковому изображению. – Кажется, я была такого роста лет в двадцать.

Исайю это, похоже, ничуть не забавляет, да и вообще не интересует.

– Эй, смотри, ты такого же роста, как Райан Гослинг, – указываю я.

Вчера утром, около семи часов, курьер из «Минтца» принес мой телефон; насколько я понимаю, это устроил Исайя.

Сегодня утром я сразу же, как проснулась, набрала ему сообщение, что мы встречаемся в половине десятого по адресу Голливудский бульвар, 6993, – возле «Аллеи славы». Я встретила его с двумя стаканчиками кофе в руках, в его стакан я положила две порции сливок и полпакетика сахара – каким-то образом я запомнила, как он пьет кофе.

– Тебе это все не кажется жутким? – спрашивает он.

– Мне кажется, что настоящие знаменитости страшнее, чем их восковые фигуры. – Я отпиваю глоток кофе. – Они такие... непонятные. Никогда не знаешь, окажутся ли они добрыми или грубыми, в хорошем или в плохом настроении, они могут быть совсем не похожи на те пятнадцать ролей, которые сыграли в кино. Эти восковые изображения более подлинны, чем любая знаменитость, и я говорю это исходя из собственного опыта.

Он не спрашивает, откуда у меня такой опыт, да ему и не нужно. Если ты живешь в Лос-Анджелесе, люди предполагают, что ты каждый день натыкаешься на знаменитостей. Иногда так и получается. Зависит от того, где ты работаешь или где проводишь основную часть времени.

Сейчас, обитая в гостевом доме бабушки в ее брентвудском особняке, на той же самой улице, где испустила свой предсмертный вздох Мэрилин Монро, я не так часто вижу их. Большинство живущих в Брентвуде предпочитают уединение, а более публичные звезды выбирают Беверли-Хиллз или другие подобные места. Некоторые актеры, снимавшиеся в фильмах пошибом пониже, вроде как ушли в отставку и обзавелись семьями, а потом перебрались в Энцинитас и Темекулу. По большей части я вижу кого-нибудь из тех, кого знаю по телевизионным показам, *мо-о-о-ожет быть*, раз в месяц.

– Кстати, о подлинности: хочу кое в чем признаться, – говорю я, кладя руку ему на локоть и глядя, как он изучает бюст восковой Джей Ло. – Мы вчера говорили о том, что между нами не будет никакой фальши и всего такого?

– Ну да, а что?

– Мои сиськи – фальшивые. Говорю это только ради полной честности. В рамках нашего соглашения.

Он коротко ухмыляется, сверкая зубами, и устремляет свои янтарные глаза на мою грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.